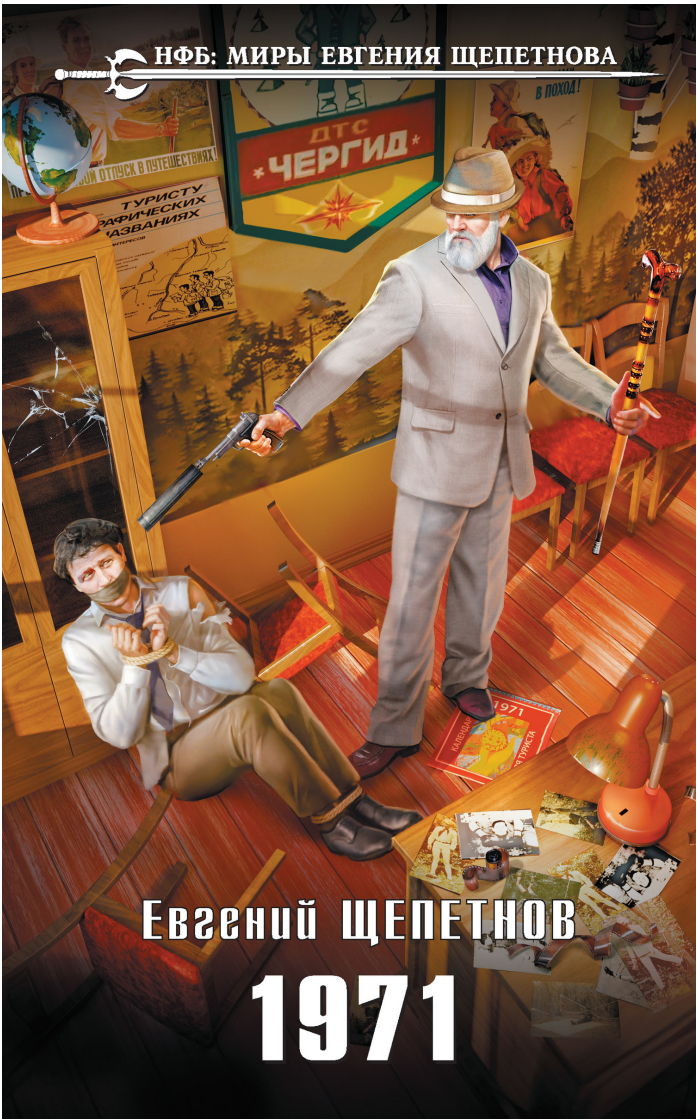

НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

1971

Евгений Владимирович Щепетнов 1971

Серия «Михаил Карпов», книга 2
Серия «Новый фантастический
боевик (Эксмо)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48693694
Щепетнов Е.В. 1971: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-107279-7*

Аннотация

Бывший омовец и снайпер Михаил Карпов так и не сумел выбраться из прошлого, куда странным образом попал в результате автомобильной катастрофы в 2018 году. Он с сожалением вспоминает об Интернете, мобильных телефонах, о «мерседесах» и «лендкрузерах», о свободном перемещении по всей планете. Он тоскует о своей семье, о жене. Правда, здесь, в 1971 году, в стране, которая называется СССР, живут его молодые родители и его любимый дед. Но Михаил пока не отваживается даже издалека посмотреть на своих родственников, ведь теперь он старше своих родителей. Все свои силы и знания он решает отдать на борьбу за сохранение Советского Союза. Кроме того, он считает своим долгом уничтожить всех известных ему

серийных маньяков-убийц, в первую очередь тех, что напали на детей. Для осуществления таких планов нужны значительные средства, но зарабатывать на жизнь он и здесь уже научился – романы писателя-фантаста Михаила Карпова расходятся в СССР огромными тиражами.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	52
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Евгений Щепетнов

1971

© Щепетнов Е.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Пролог

Меня всегда удивляло – вот как можно было сделать *такую* машину?!

Сиденья – будто в кашу проваливаешься! А руль? Почему руль у «Волги» смотрит криво? Точнее, не руль, а рулевая колонка. Да, она смотрит куда-то вбок, и ты автоматически стараешься устроиться на сиденье так, чтобы руль был направлен к тебе, как положено. То есть чтобы рулевая колонка смотрела тебе точно в живот. Или в грудь – если ты карлик. И тогда приходится устраиваться на сиденье немножко... боком.

Вначале этого не замечаешь, но в один прекрасный момент ловишь себя на том, что сидишь криво, сикось-накось, и желаешь конструкторам автомобиля всевозможных мучений и страданий, телесных и душевных. А еще вспоминаешь все те машины, которые были у тебя в другом мире: иномарки, российские – все машины, которые имели руль и не имели на подвеске и следа тавотниц, которые после каждого дождя надо наполнять литолом, иначе машинка быстро откажется ехать.

А расход?! Ну, черт подери, почему она столько жрет?! Понимаю, четыре передачи, вес полторы тонны, но все-таки! 12–16 литров по трассе – да вы не охренели?! Ладно хоть в этом времени бензин стоит копейки, а я не самый бедный в

этом мире человек, а то бы взвыл!

Для 1971 года «Волга» – это как в моем 2018 году какой-нибудь новенький «Лендкрузер» либо «Гелендваген», а может, и того покруче. Особенно если «Волга» черная.

Но у меня «Волга» не черная, а бежевая, и не моя, а моей подруги Зины, врача областной психиатрической лечебницы, а ей досталась от покойного мужа, начальника областного уровня.

Я долго думал, стоит ли мне это делать. Ведь эти люди... Нет, не люди – эти твари! Кроме как тварями их назвать нельзя! Ведь эти твари пока ничего не совершили.

Тьфу! Опять не так! Они ЕЩЕ НЕ УБИЛИ! А совершать-то насоздавали. Например, Сливко уже «совершает эксперименты», подвешивая в петле подростков. А Чикатило, например, пристаёт к мальчишкам и девочкам.

Педофил – разве должен жить? Чикатило начнет убивать в 1978 году. И первой жертвой станет Лена Закотнова, которую он заманил в мазанку и там задушил. Я помню. Я все помню! Спасибо моей подруге Зине, которая раскрепостила мою память специальными упражнениями и лекарствами, с применением гипноза. Все, что я видел в своей жизни, все, что читал, – помню.

Как так может быть – не знаю и не понимаю. Психиатрия для меня – лес темный. Я всего лишь вояка, снайпер... бывший снайпер. А еще – писатель-фантаст средней руки, каким-то чудом перенесшийся в 1970 год. Вот теперь и пыта-

юсь здесь выжить. И не просто выжить, а хоть немного исправить то, что можно исправить. Например – уничтожить маньяков, которых потом, в будущем, долго и трудно искали правоохранительные органы.

Кстати сказать, за Лену Закотнову приговорили к расстрелу другого человека – Александра Кравченко. Нет, Кравченко не жаль – он был мразью и сидел в свое время практически за аналогичное преступление. Но это ведь не он убил Закотнову! Хотя споры о том, он убил или не он, ходили еще очень долго. И ходят – в моем 2018 году.

Зная, что могу спасти столько людей, – какое право я имею на то, чтобы устранился, чтобы жить своей жизнью? Чтобы наслаждаться вкусной едой, спать с красивой женщиной, кататься на «Волге» и купаться в Волге? Зная, что в скором будущем подонок повесит мальчишку в петле и будет снимать на камеру, как ребенок в муках умирает, – как я могу спокойно жить? Я ведь русский мужик. Защитник. Воин.

Что бы потом ни случилось со мной – я сделаю это. И Зина меня поддерживает. Говорит, что в крайнем случае, если я попадусь, – она приложит все усилия, чтобы меня вытащить. Все-таки она психиатр с мировым именем, пусть даже и моя сожительница. Да и денег у нас хватает, а деньги и в этом времени могут решить большущие проблемы.

Поэтому, как только наступила весна, сошел снег, показалась зеленая травка, я сел в машину и отправился в Ростовскую область.

Глава 1

– Ау! Есть кто-нибудь?! Ау!

Гулкое помещение, больше похожее на тоннель, откликнулось недолгим эхом. Две тусклые лампочки светились на стене, подсвечивая столы, стоящие поперек тира, и потрепанные мишени, висящие перед мешками с песком. За мешками – стальные пластины, за ними – стена. Безопасность превыше всего! И никаких тебе электрических прибабасов вроде подъезжающих и отъезжающих мишеней и всякой такой сложной лабуды. Нормальный тир, такой же, как те, из которых вышли многие и многие мастера спорта и даже чемпионы – по всей стране. Ведь рыбаку что нужно? Удочка и река. А стрелку – мишени, огневой рубеж и винтовка. Ну... или пистолет. Или револьвер.

Кстати, люблю стрелять из спортивного револьвера! Такая классная штучка – просто сам просится в руку! Точность боя – исключительная. И не дает осечек. Не зря в книге «В августе 44-го» герои предпочитали использовать наганы. Спецы, точно!

– Вы что-то хотели?

Я обернулся. Передо мной стоял мужчина моего возраста – лет пятидесяти. Худощавый, среднего роста – ниже меня как минимум на полголовы. Глаза серые, внимательные. Выправка военная. Скорее всего, из бывших... Может, даже и

поучаствовал. Где? Да мало ли где... мог и войну захватить – пацаном. Мог и в Корее, мог во Вьетнаме. Да много где еще мог – наши спецы по всему миру шастают, военные специалисты. И только изредка вылезает информация, что кто-то из наших засветился в каких-нибудь анголах. Мы ничем, по большому счету, не отличаемся от американцев, сующих нос туда, куда надо и куда не надо. Особенно – куда не надо. Потому такие люди, как я или как вот этот мужик, всегда будут востребованы.

Хм... и почему я сразу подумал, что он из вояк? Может, просто спортсмен, вот и выправка. Биатлонист какой-нибудь. Вот только шрам на левом виске – это что, от палки соперника? Нет, брат, я тебя сразу узнал. Ты такой же, как я! Только раньше...

– Пострелять хотел, – после заминки выдал я, чувствуя, как глупо звучат мои слова. – Как это возможно?

– Теоретически? – Глаза мужчины чуть прищурились, и в них я увидел пляшущую смешинку. Похоже, что тип еще тот... ехидный!

– Практически, – улыбнулся я. – Мое имя Михаил Карпов, я писатель. Фантаст. Вот хотелось бы пострелять, чтобы, так сказать... воочию увидеть! Как и положено писателю! А то все пишу, пишу – боевики всякие, а сам и не стреляю. Непорядок! Поможете мне? Если надо – я заплачу!

Мужчина чуть нахмурился, и лицо его сделалось задумчивым. Потом брови его поднялись, он внимательно посмот-

рел мне в глаза и ответил:

– Ну... тут не базар, чтобы платить. Я заведующий спортивной секцией при городском парке. Писатель, говорите? Что-то не слышал такого писателя...

– Еще услышите, – ухмыльнулся я. – Если фантастику любите, конечно. Я начинающий. Так сказать, молодой писатель.

– Молодой? – Мужчина окинул меня взглядом с ног до головы, хотел что-то сказать, но передумал. Молча кивнул и зашагал в сторону мишеней, кинув через плечо: – Подождите здесь. Я мишени прицеплю. А потом попробуем.

Он щелкнул выключателем, и темный тоннель стал не таким уж и темным. Обычный старый добрый тир, и даже отапливаемый – вон вижу чугунные батареи по стенам. Зимой небось даже пар изо рта не идет. Крепкое здание.

Мужчина передвинул стенды на двадцатипятиметровую отметку, из чего я сделал вывод, что сейчас будет пистолет. Вряд ли револьвер. А жаль. От револьверных пуль в мишени такие красивые, аккуратные дырочки получаются! Любо-дорого смотреть!

Переклеивать мишени он не стал. Он обводил отверстия на мишенях то ли авторучкой, то ли химическим карандашом. Ну что же – «экономика должна быть экономной»! Чтоб ему ни дна ни покрышки! Нет, не стрелку – Мише Меченому. Это он все бормотал про экономику.

В общем, старая практика: если мишень не сильно избита,

зачем менять на новую? Отметил старые дырки, да и пали себе на здоровье – не на соревновании. Это на соревновании после каждого выстрела в некоторых упражнениях меняют мишень. Почему? Да потому что есть ухари, которые все пули сажают ровно в десятку! В центр! И если пуля пролетит в старую дырку – кто зачтет выстрел? Можно сказать, что и мимо мишени пальнул. Вот чтобы такого не было – мишени меняют. Ну а здесь не тот случай.

– Готово. Я сейчас! – Мужчина прошел в дверь, откуда раньше вышел, и вернулся с деревянным чемоданчиком. Или кейсом, если уж «научно» выразиться. У меня даже сердце захолонуло – такой знакомый чемоданчик! Все там есть – шомпол, масло, протирки. Ну и пистолет, само собой. Пистолет Марголина. Самый мой любимый пистолет. Есть лучше, есть хуже, есть совсем крутые, в слоновой кости и золоте-серебре, но вот этот – черный, вороненой стали, пахнущий щелочной смазкой пистолет – моя юношеская любовь. И нынешняя.

Мужчина щелкнул застежками кейса и привычным движением извлек пистолет. Положил его на стол на огневом рубеже, рядом – магазин без патронов. Положил пачку патронов – желтых, целевых. Я про себя даже усмехнулся – не пожадничал! Целевые дал! У них осечек практически не бывает и бьют точнее. Уже и не помню, за счет чего, – вроде как даже заряд пороха чуть больше, да и отмерен он тщательнее. Особо не интересовался. Знаю только, что стоят они гораздо

дороже обычных «черняшек».

– Пробуйте! – невозмутимо сказал мужчина и отодвинулся в сторону, давая мне подойти к столу. Я и подошел. Рифленая рукоять «марголина» легла в руку как влитая. Ну как же красив этот пистолет! Как он совершенен! Я, когда увидел его впервые, сразу влюбился в него. Вот такими и должны быть пистолеты, не то что эти обрубки вроде «макарова» или «глока». Ни эстетики, ни красоты.

Руки вроде как сами по себе уцепили пачку патронов, высыпали их на стол. Зарядание магазина прошло быстро – руки-то помнят!

Щелк! Вот магазин и в рукояти.

Щелк! Предохранитель.

Затвор назад, пистолет смотрит вверх на согнутой в локте руке. И совершенно автоматически, не думая, доложил:

– К стрельбе готов!

И чуть язык себе не прикусил. Болва-а-ан! Ну вот въелось это в кровь, и все тут: «На огневой рубеж – шагом марш!.. Заряжай!» – «К стрельбе готов!» – «Огонь!»

Но мужик ничего не сказал, кроме... «Огонь!»

И я забыл обо всем, кроме ощущения рифленой рукоятки в руке, кроме запаха сгоревшего пороха (обожаю этот запах!), кроме зеленой мишени, ожидавшей, когда из моей руки вылетит пуля. Да, именно руки – потому что пистолет стал ее продолжением. Я будто киборг, а пистолет врос в мою руку, вошел в плоть, стал частью меня.

Я не использую спортивную стойку – левую руку назад или в карман, правая вытянута, медленно опускается до уровня мишени. Эту стойку из меня выбили давным-давно, еще в учебном центре. Теперь только так – двумя руками, слегка полуприсед, и... бах-бах! Двочка в корпус! Бах-бах! В голову! Еще в корпус! Еще в голову! Щелк, задержка.

Хотел крикнуть: «Стрельбу закончил!» – но осекся. Промолчал, замер с пистолетом в руках. Хозяин тира слегка, уголками губ, улыбнулся и неожиданно сказал:

– Оружие к осмотру!

Сцука! Ну как это все знакомо, аж мороз по коже! Выдергиваю магазин, захватываю его правой рукой, прижимая к рукояти пистолета, жду. Инструктор кивает, берет пистолет у меня из руки. Молча, ничего не говоря. Щелкает, снимая затвор с задержки, и неторопливо укладывает пистолет в кейс. Кейс уносит, возвращается, кивает:

– Пойдем посмотрим, чего настрелял.

Иду за мужчиной, пытаюсь разглядеть освещенную светильником мишень. Ага... вот, вижу. Неплохо, что уж... в «голове» силуэта кучненько так, в пределах рубля (советского!), в «груди» – тоже примерно так, только разок чуть в сторону ушел, качнулся, наверное. Хороший спуск у этого пистолета, мягкий, легкий. Видать, отрегулирован хорошо.

– Пойдем поговорим... писатель! – хмыкнул инструктор, и я пошел за ним по направлению к двери. Забавно все-таки. Никакой тебе охраны, никаких особых средств защиты

от террористов и всяких таких уродов. Ну вот захотел бы я занять стволы, жажнул бы мужику по балде, и бери что хочешь! Сколько унесешь! Ну да, могут и менты на выходе из парка проверить, но все-таки.

Комнатка была кабинетом заведующего секцией, а одновременно и чем-то вроде рецепшена перед входом в оружейку. Сама оружейка за стальной дверью – так просто и не войдешь. И, кстати сказать, ключи от оружейки скорее всего с собой мужик и не носит. Где-нибудь тут ныкает. Так что мои мысли о безопасности хранения оружия совсем не в тему. Да и что-то мне не верится, что мужика так просто можно жажнуть по балде. Взгляд у него – как у контрразведчика Смерша. И двигается, как боксер. Небось прежде чем выйти ко мне с пистолетом, семь раз меня оценил.

– Садись. – Мужчина указал рукой на потертое, но вполне чистое кресло. Сам сел на диван напротив. – Может, чайник поставить? Как ты насчет чая?

– Да можно и чайку, – не отказался я, чтобы не рвать протянувшуюся между нами нитку понимания. Нет ничего лучше для установления доверия, чем совместные посиделки за столом. Это с древних времен народ заприметил, говоря, как важно преломить хлеб с собеседником.

Инструктор кивнул, включил электрическую плитку, налил воды в чайник из крана в углу комнаты, поставил чайник на плиту.

– Скоро закипит, я не полный налил. Да и плитка мощная,

чуть ли пробки не выбивает. Итак, писатель Михаил Карпов, говоришь, хотел увидеть, как пестик стреляет? – Мужчина ухмыльнулся и, откинувшись на спинку дивана, скрестил руки на груди. – Где служил? Ах да... забыл представиться. Сергей Аносов, полковник в отставке. Где служил я, не скажу. На пенсии теперь, вот ведаю стрелковой секцией. Ребятишек учу стрелять. Итак, где служил? Только не говори, что впервые взял пистолет в руки. У тебя все движения отработаны до автоматизма. А твои эти «К стрельбе готов!» выдают тебя, как стукачи партизана. Похоже, что где-то в ментовке служил. Это там так изощряются. Впрочем, еще в военном училище вроде училища «дубарей». Вэвэшников, в общем. Ты не его оканчивал? Да ладно, не обижайся – насчет дубарей. Всякие нужны, всякие важны. А стреляешь ты хорошо. Талант у тебя, я чую талантливых людей. Ну что молчишь? Расскажешь, зачем пришел и кто ты такой?

– Пострелять пришел, – пожал я плечами. – Захотелось вот потренироваться.

– Вот так просто – взять и потренироваться! – ухмыльнулся Аносов. – Тебе лет-то сколько? Сорок пять? Полтинник? Выглядишь ты крепким парнем. Ну и зачем тебе на пенсии стрелять? Небось так уже настрелялся – аж тошнит! Нет?

– Я не знаю, – начал я излагать свою легенду. – Я не помню, кто я такой и откуда взялся. Нашли меня на дороге, ночью, голого. Отвезли в милицию, потом сдали в дурдом. Там обследовали и пришли к выводу, что я нормальный. Вот

только не помню ничего – кто я и откуда. В дурдоме познакомился с женщиной... врачом. Она взяла меня к себе жить. Паспорт мне выдали – не может же советский гражданин ходить по миру без паспорта и прописки. Еще в дурдоме я начал писать книги, и вроде как получается. Издают в Москве. Ну и вот захотелось мне пойти в тир и пострелять. Сам не знаю – почему. Ну... вот и все.

Аносов посмотрел мне в глаза – секунды три не отрывал взгляда. Только щурился. Потом пожал плечами:

– Всякое бывает. Лечиться не пробовал? Память возвращать?

– Пробовал. Моя сожительница – врач-психиатр. И гипноз пробовали, и лекарства всякие. Нет, не получается.

– О! Чайник вскипел! – театрально воскликнул Аносов и пошел к плите. Через пару минут передо мной стоял стакан в подстаканнике, как из поезда, – с густой заваркой. На столе – печенье, апельсиновые карамельки и сахар-рафинад. Я с удовольствием отхлебнул из стакана, с хрустом отгрыз от кусочка сахара. Хорошо! Когда тебе полтинник, ты начинаешь по-другому смотреть на жизнь, ценить маленькие удовольствия, радоваться каждому прожитому дню. Для себя я давно уже решил – жить надо именно так. Прошел день – я сыт, крыша над головой, тепло, есть чем срам прикрыть, – вот и слава богу. В мире много людей, которые и того не имеют. Так что грех жаловаться на судьбу.

– Зачем тебе стрельба? Стрелять так, как ты, мало кто мо-

жет. Я в этом разбираюсь. И зачем тебе еще жечь патроны? И кстати – я тебя нигде не видел? Лицо уж больно знакомое. Ангола? Вьетнам?

– Я не помню. Думаешь, я вру?

– Не знаю. Может, и врешь. – Аносов криво усмехнулся. – Понять бы еще, зачем.

Он замолчал, задумался, помешивая ложечкой в стакане. Чаинки кружились в коричневой жидкости, как черный снег. Это завораживало, как и стук ложечки по стеклу – дзынь-дзынь... дзынь-дзынь... Что Аносов там себе решал – не знаю. Почему-то мне было рядом с ним спокойно, хорошо. В парке тихо – сезон закончился, закрыли аттракционы. Ноябрь. Теперь по дорожкам ходят только редкие парочки, в основном пожилые – воздухом подышать, на хлопотливых белок поглядеть, покормить. Да мамочки с колясками, это неугомонное, невероятно активное племя. Они всегда и везде, и не стой на пути их дитяти – сомнут, разорвут, затопчут коляской!

В тире еще тише. Из окна, закрытого толстенной решеткой, сочится неяркий ноябрьский свет. В углу стоит электрический масляный обогреватель – наверное, отопление еще не дали.

Аносов перехватил мой взгляд, пожал плечами:

– К сезону не подготовились, мерзавцы! Котельную вовремя не запустили. Вот разморозят систему, я на подлецов в прокуратуру заяву подам. Алкашня, сволочи! Моя б воля, я

бы их просто к стенке! Без суда и следствия! Ненавижу во-
рье и алкашню! Сам-то не пьешь? – внезапно переменял он
тему.

– Нет, не пью, – сказал я, едва не ляпнув: «Теперь не пью».
Да, выпивал – иначе никак, слишком много на душе. Забыть
хотелось. Только вот откуда я знаю, что ТЕПЕРЬ не пью, ес-
ли не помню своего прошлого?

– Так ты не ответил – зачем тебе стрельба? В соревнова-
ниях ты участвовать не собираешься, уверен. А тогда зачем
жечь патроны?

– Хочу. Тянет меня к стрельбе! Видимо, в прошлой жизни
был или военным, или спортсменом-стрелком. Не могу без
этого. А на соревнования... знаешь, если это так уж нужно,
я бы, может, и съездил. Почему бы и нет? Только тут ведь
детско-юношеская стрелковая школа?

– Не только. В тир приходят тренироваться и милицио-
неры. Со своим оружием, правда. И взрослые спортсмены –
у нас есть своя команда. И если ты захочешь участвовать в
соревнованиях – запросто можешь это сделать. Только вот
стиль стрельбы у тебя... хм... не спортивный. Где учили?
Ах да... забываю. Ладно, писатель Михаил Карпов. Приноси
паспорт, приму тебя в секцию. Постреляешь. Сегодня среда,
давай так – по средам и пятницам. В эти дни народа меньше.
И вопросов меньше. Хотя по большому счету – какая разли-
ца? Хм... ну и спросят, и что? Принял я человека в секцию –
кому какое дело? Главное, чтобы документы были в поряд-

ке. А они в порядке?

– В порядке. Паспорт выдали после дурдома.

– А вот про дурдом больше никому не говори! – Аносов вдруг хохотнул. – Чревато! Скажут – Аносов сумасшедшему оружие доверил. А оно мне надо? Нет, не убеждай – я жизнь прожил долгую, людей чую. И своих людей чую. Ты такой же, как я, и, возможно, мы с тобой рядом воевали, даже виделись. И не сумасшедший ты. Кстати, принеси книжку с автографом! Я так-то фантастику люблю читать. Только сразу предупреждаю: если книжка говно, я тебе так и скажу. Не буду врать.

– Так и скажи. Если правда, почему бы и ее не выслушать? Кстати, паспорт у меня с собой. Запишешь? И вот еще что – мало я пострелял. А револьвер у тебя есть? Из револьвера тоже хочется.

– Не... револьвера нет. «Марголины», целевые пистолеты, винтовки обычные и целевые. Кстати, ты с ортопедической рукояткой стрелял? Ладно, ладно – ты всё забыл! Давай паспорт.

Из тира я вышел через час, где-то около полудня. Настрелялся всласть. В ушах аж звенело. Звук от «марголина» не такой громкий, как от того же «макарова», но в закрытом помещении глушит только так.

На улице холодно. Мороза еще нет, ноябрь выдался теплый, но тучи, дождь накрапывает, ветер несет грязные мокрые листья. Ну почему всегда так грязно, так отвратительно

в осеннем городе? Или это только в этом городе так гадко?

От парка до места назначения идти недалеко, но зачем топтать по лужам и принимать за шиворот горсти дождевой воды? Если у тебя есть машина. Пусть даже и такая, как «Волга». Все равно в ней сухо, тепло и даже уютно. Движок урчит, сиденье греет задницу, «дворники» елозят по стеклу, пытаюсь побороть ледяные капли. Скоро ударят морозы, точно. Перед морозами льет минимум неделю, а потом – рраз! И земля как из бетона. Замерзла.

Спортзал, принадлежащий обществу «Динамо», располагался в старом здании с синей вывеской. Типичный спортзал, каких я помню не один и не два. Зал, покрытый плотным борцовским ковром, запах пота, дерева, железа. Знакомый до боли запах юности – в таких залах я провел много, очень много времени. Я ведь рукопашник, начинал с дзюдо, потом перешел собственно на рукопашный бой, спецсистему – это уже в армии. Ну и потом продолжил – занимался при первой возможности. Если не воевал. Когда ты на войне, тебе не до упражнений. Доползти бы до раскладушки, влезть в спальный мешок (если холодно) и забыться тяжелым сном. И спать как можно больше – в запас, потому что может случиться так, что потом поспать не скоро удастся.

В зале тренировались человек двадцать. Кто-то был одет в полное кимоно, кто в штаны-трико и борцовскую куртку – обычное дело для самбистов. Парни взрослые, самое меньшее лет по двадцать пять. Наверное, ОМОН или что-то по-

добное. Я не помню, как такие подразделения назывались в 1971 году, – может, тогда и ОМОНа никакого не было. Честно сказать, никогда не интересовался историей создания ОМОНа. Если не ошибаюсь, его создали уже в конце 80-х, при Горбачеве. А как он назывался раньше – не знаю. Должно было существовать что-то вроде ОМОНа и в это время, кто-то ведь занимался тем, чем занимается ОМОН? Впрочем, если порыться в памяти (а теперь, после усилий моей докторицы, я вспоминаю все легко и быстро!), на-гора выдается следующая информация: 1988 год – вот когда был создан ОМОН. А до тех пор была дивизия Дзержинского с ее ОМСДОНОм и в особо злых случаях – группы «Альфа» и «Вымпел».

Все, что в будущем делал ОМОН, сейчас, в 1971 году, делают обычные менты. Те же самые опера. И, судя по всему, – это они и придут в ОМОН. Ну... скорее всего – они. А кто еще-то? Они отрабатывают задержание человека с ножом, заворачивают руки. Кто еще это мог бы делать?

Вообще-то, делать это может кто угодно, если захочет. А кто может захотеть? Только мент. А среди ментов – скорее всего это будет опер. Почему я так рассудил? Да все легко: конечно, заниматься рукопашным боем, тренироваться может и обычный «пепс», то есть патрульный постовой службы. Сержант, старшина, рядовой (хотя рядовых в «пепсах» практически не бывает). Только вот зачем ему? В это время человека в форме уважают и боятся, по первому требованию по-

стового идут в отделение, как барашки на убой. Редко-редко кто осмеливается сопротивляться, и уж совсем единицы – кидаются на милиционера. И зачем «пепсам» отрабатывать приемы рукопашного боя? Так... три-четыре приема для задержания, не более того. А если что – можно и стрельнуть. В воздух, разумеется. Чтоб напужать до описывания. В 70-х хулиганы со стволами не шастают.

А вот с операми совсем другое дело. Опер ходит в гражданской одежде, нет на нем «брони» милицейской формы, останавливающей хулигана. Притом что опера имеют дело с настоящими преступниками, а не мелкими хулиганами-сквернословыми, которых штрафуют за нецензурную брань в общественном месте. Преступник знает, что ему есть что терять, он не хочет потерять свободу и саму жизнь. И будет драться за них, несмотря на лица и последствия. Потому оперу жизненно необходимо быть сильным, ловким, уметь драться и стрелять. Опера всегда были элитой милиции, и многие из них великолепно владели боевыми искусствами. Я это хорошо помнил из своей жизни. Сталкивался, и не раз.

Кстати – и с моей стороны баррикад, и с противоположной. Одного опера, который крышевал чуть ли не половину района и совершил убийство на этой почве, брали ОМОНОм, и он сумел потрепать троих парней – уложил просто-таки в лежку, нокаутировал. Но не ушел – пришлось прострелить ему ногу и руку. Я не люблю зарвавшихся ментов, которые гребут бабло, но его все-таки зауважал. Бесстрашный, под-

лец! Когда я ему прострелил бедро из СВД, он все равно поднялся, достал нунчаки и, стоя на одной ноге, махал ими, как ветряная мельница, – парни даже подойти остерегались, до чего ловко он ими крутил. Глупо, конечно, – все равно же возьмем, только повреждений будет больше. Но тем не менее – уважаю. До последнего стоял. Пока плечо ему не прострелил. Крепкий парень был. Вроде как десять лет ему дали по совокупности, но вышел через полсрока на УДО. Слышал, он потом охранное предприятие открыл – не на свое имя, само собой, – то ли на жену, то ли на брата. Ну и процветает – магазины открыл, ресторан. Так что все денежки не сумели у него отнять. И выжить сумел на зоне. Впрочем – с его характером и не выжить? Нет, я его не одобряю – совесть-то надо иметь. Просто уважаю стойких, крепких духом людей. Пусть даже они с другой стороны баррикад.

Перед тем как войти в зал – разулся, поставил ботинки у порога. Так-то они у меня чистые, но входить в зал в уличных ботинках – неуважение. За такое могут сразу выгнать. Да и вбито у меня в голову – только босиком входить или в борцовках, и никак иначе.

Потихоньку прошел к длинной скамье у шведской стенки, сел и затихарился. Посмотреть надо, что они тут творят. Интересно же! Фактически я сейчас нахожусь у истоков. Хотя... какие, к черту, истоки? Если насчет карате – то да. Оно сейчас есть только в крупных городах, у абсолютных энтузиастов. В провинцию еще не дошло. А что касается рукопаш-

ного боя, он же «боевое самбо», так это было и есть. В моем времени этих систем рукопашного боя – как грязи. Даже есть клоуны с «бесконтактным» стилем боя. Видел я ролики-разоблачения по этому поводу – ржал как конь. Постановка еще та! Аферюги...

Меня заметили через полчаса. Вернее, так: заметил тренер, мужчина лет сорока – сорока пяти, одетый в кимоно, повязанное черным поясом. Уж не знаю, есть у него дан или нет, но, похоже, мужик уровня не меньше мастера спорта, что, в общем-то, по нашим меркам и есть этот самый «дан». Чтобы стать мастером спорта, надо как минимум взять призовое место на городских соревнованиях, а это не просто немало – это круто. Борьба в СССР всегда была на высоте, и мастеров у нас было – пруд пруди.

Мужик, судя по всему, довольно-таки резкий, лицо жесткое, немного даже надменное. Впрочем, оно и понятно – тренер же, властитель душ и тел! Въедается в кровь превосходство над учениками – как у какого-нибудь учителя начальных классов провинциальной школы, когда все ученики кажутся шаловливыми полудурками.

– Перерыв! – объявил тренер и неспешно направился ко мне, оставляя борцовками неглубокие вмятины на кожаном ковре. Невысокий, гораздо ниже меня, в плечах он мне почти не уступал. Двигался мягко, как огромный кот. Смотрел на меня внимательно, но равнодушно – мол, еще один любопытствующий, и какого черта его сюда принесло?

– Здравствуйте. Вы что-то хотели? – спросил мужчина, неодобрительно рассматривая меня с ног до головы. Кого он видел перед собой? Полуседого мужика неопределенного возраста – от сорока до шестидесяти, который, видимо, чего-то попутал и забрел туда, где ему места не было, что называется, совсем. На мне демисезонное пальто, носки и шарфик, аккуратно, по-ботански закрывающий шею. Ну люблю я тепло, что тут поделывать! А что шапки на голове нет – так при входе в помещение снял, как и положено. Вернее, не шапку снял, а берет. Как привык я к беретам, так и сейчас люблю в них ходить. Правда, теперь у меня береты совсем другие. Не те, что были на воинской службе.

– Я Михаил Карпов, – представился я, встав с места и делая шаг навстречу тренеру. Надо же уважение оказать. – Мне хотелось бы потренироваться здесь, если это возможно.

– Потренироваться? – Тренер нахмурился. – Здесь?! Извините, это вообще-то закрытая секция, для сотрудников. Да и по возрасту вы как-то... хм...

Он замялся. Человек, видимо, вежливый, обидеть старикашку не хочется – тем более дурковатого. Почему дурковатого? Да потому что только дурак может в пятьдесят лет прийти и вот так, без всяких сомнений сообщить, что желает научиться «забороть» всякого хулигана. Ну да, а для чего еще приходят в секцию рукопашного боя? Само собой, чтобы хулиганов «бороть». Когда научат. А научат обязательно – пару недель позанимался, и вот уже Терминатор! И не ври-

те про годы упорных занятий – чего тут такого сложного?

– Я в неплохой форме. Кроме того, мог бы и ваших учеников кое-чему научить. Тому, чего они не знают.

– Вы? – Тренер чуть сощурил глаза, и в них заплясали чертики. Видимо, решил: «Надо наказать этого бахвала!»

Ох, сейчас он мне устроит! И, чтобы совсем уж раззадорить мужика, добавляю с ленцой:

– Уровень парней слабоват. Не знаю, где они служат, но... им еще работать и работать. Медлительные они, банальные и скучные, как мусорное ведро.

Вот теперь мне конец! Теперь никакой ко мне жалости! Мусорными ведрами назвал! Вспомнилось: «Так они называли меня желтой рыбой?» – «Да! Да! А еще червяком, земляным червяком!»

Интересно, мультик этот уже вышел или еще нет? Помню, как я ждал его, с замиранием сердца смотрел – обо всем на свете забывал! Как мне хотелось быть похожим на Маугли – быть сильным, красивым, с ножом в руке! Став уже гораздо старше, я задумался: а почему он все время бегаёт в трусах? И откуда эти трусы у него берутся? Хе-хе... Авторский произвол, вот как это называется в мое время.

– Может быть, вы нам что-то продемонстрируете из ваших умений? Ну... не похожее на мусорное ведро! А мы поучимся у вас.

Ох ты ж... сколько сарказма, сколько яду вложено в эти вроде бы вежливые слова! Как ему хочется меня отпинать! А

вот зря. Я бы на его месте подумал: а чего мужик так раздухарился? Нет ли подвоха? Но в этом времени еще не слышали о пранкерах, которые ходят по спортзалам и, прикидываясь новичками, вызывают на поединок. Девственно чистый, нетронутый мир. Нетронутое время. Люди наивны и просты в обращении, как трехлинейка. Вру, конечно, тут тоже все не так уж просто, но... речь сейчас не о том.

– Хорошо. Без проблем! – легко согласился я, скинул с плеч пальто и остался в свитере и брюках. – Только вот вопрос... спарринг по каким правилам? Есть какие-то правила или нет? Или все-таки реальный бой?

Задумался. Смотрит на меня уже с легким недоверием – а спроста ли я взялся в зале? Может, подстава? Может, я вообще какой-нибудь инструктор из другого города и на самом деле что-то могу? И его посрамлю, а ему это надо? Но раздражение пересилило:

– В пах не бить, глаза не выдавливать, рук и ног не ломать. Слушать противника – как рукой стучать по ковру начал, значит, все, бой прекращается. Поняли, парни?

Ах ты ж... молодец! А я думал, это он мне говорит. А он вроде как и не мне, а всем. Рассказывает своим парням, чтобы со мной осторожничали, – как начну вопить и хлопать ладонью по ковру, так меня и «на свободу с чистой совестью».

Снимаю шарф, стягиваю свитер грубой вязки. Люблю такие свитера а-ля Хемингуэй. Они мне идут. Отрастить бороду – так вылитый Хемингуэй и буду. По крайней мере, Зина

так говорит. А я ей не мешаю.

Остаюсь в майке-алкоголичке, правда, не сиреневой (это уж слишком!), а белой. Стягиваю и носки, босиком меньше шансов поскользнуться. На ковре в носках – чуть ли не как на льду. Проверено.

– Готов! – киваю я и выхожу на ковер. – С кем спаррингуем? С вами, – киваю тренеру, – или кого-то мне дадите?

– Селезнев, на ковер! – командует тренер, и здоровенный детина, слегка рыхловатый, но плечистый, медленно, вразвалочку подходит ко мне. – Слышал, о чем говорили? Вот и давай, покажи товарищу, на что ты способен. И способен ли вообще.

«Товарищу». Хорошо хоть не «гражданину», и на том спасибо. Хе-хе... странное у меня ощущение, сам не пойму, что со мной такое. Нынешние люди кажутся мне... детьми! Да, да, детьми! Наивными, ни о чем не ведающими, жизни не знающими – детьми! С высоты жителя двадцать первого века...

Эх, двадцать первый век! Как мы о нем мечтали! Как мы хотели, чтобы наши корабли бороздили... Нет, не бороздят. Мы бесконечно воюем, боремся и выживаем. Всё, как и всегда. А коммунизм не наступил. И не наступит. И это грусть и печаль.

Парень вознамерился покончить со мной сразу и без вариантов. И скорее всего он был борцом-классиком, который решил изучить боевые приемы. Забыв обо всех боксерско-сам-

бистских делах, парень просто бросился на меня и решил заломать, как медведь косяку. Я же просто подправил направление его движения, а когда он пробежал мимо – просто поставил подножку. Ох и шлепнулся же парнище – любо-дорого смотреть! Метра полтора по ковру пропахал! Неуверенно встал, посмотрел на меня со смешанным чувством обиды и недоверия и снова попытался встать в боевую стойку.

– Хватит, – остановил его тренер. – Горюнов, сюда! Если вы не против... Михаил, да?

– Михаил Карпов, – кивнул я и едва не рассмеялся. Запомнил, ага. Зацепил я его!

Горюнов был настоящим бойцом. Чуть ниже меня – что и немудрено, вот такой я длинной орясиной уродился, и весом поменьше. Что тоже понятно. Все-таки вес должен соответствовать росту. Ну и я всегда отличался атлетическим сложением, хотя тренеры это дело обычно не приветствуют – мол, не надо качиваться, скорость теряется. Но сдается мне, что это все чушь. Скорость зависит не от размера мышц, а... хм... в общем, от способностей человека. Если реакция у него хорошая – так чем мышцы помешают? Только помогут! Впрочем, я не стану с полной ответственностью это утверждать. Просто мне так кажется.

Этот был когда-то боксером. Стойка боксерская, передвигается уверенно, движения быстрые и мягкие. Только данное обстоятельство ему не помогло. Я ведь не боксер. Я рукопашник, для которого главное – не красивый натиск и в кон-

це нокаут, главное – вывести противника из строя. Потому я сразу засветил ему ногой по бедру. А когда он, обозленный и жаждущий мести, бросился вперед – вырубил его ударом ноги в солнечное сплетение. Пнул, если говорить проще.

А пусть не нарывается! Голова должна быть холодной! Не фиг злиться и лезть напролом!

Выключился он мгновенно, даже руки к животу не прижал и калачиком не свернулся. Классический нокаут. Тренер сразу засуетился, начал его по физиономии хлестать. Ничего, скоро очнется, ничего страшного не случилось. Я ж не в полную силу бил – спарринг же. И добивать пяткой в шею не стал, ломать позвонки – не война же.

– А с ножом позволите?

– Без проблем! – снова кивнул я, и на ковер вышел сухощавый, двигающийся, как на шарнирах, парень. Разболтанная походка, широкие плечи – снова боксер? Нож, само собой, был тренировочным, из твердой резины. Но хоть и тренировочный, а ткнуть им в живот или по ребрам – мало не покажется. Синяк точно останется.

Ножом он работал неумело. Я бы в этом деле ему сто очков вперед дал, без всякого сомнения. Это и понятно – их учат защищаться от ножа, а не наносить удары. Но чтоб милиционер вдруг убил задержанного его же ножом?! Или своим (ха-ха!)?! Вот стрельнуть в воздух – это нормально. Или по ногам. А чтобы зарезать человека – в дурном сне не придется!

Нож я вынул у него из руки легко, будто отнял конфетку у ребенка. Почему-то все новички, которые работают с ножом, заикливаются именно на этом факте: «У меня нож, и теперь мне сам черт не брат!» Как будто, имея в руке нож, ты защищен от всех неприятностей. Им еще надо уметь как следует работать.

Я заблокировал удар и медленно, давая разглядеть происходящее, вывернул нож из руки слегка ошеломленного противника, используя клинок как рычаг. А потом этим же ножом провел по сонной артерии парня:

– Убит.

Простейший прием – если знать, как его провести. Но в том и дело – надо знать! А еще – отработать это до такого автоматизма, чтобы проводить прием, не задумываясь, без работы мозга, на одних рефлексах. Как я это и делаю.

Тут ведь какая штука... чтобы быть готовым к рукопашному бою, нужно в совершенстве овладеть парой десятков приемов. Отработать их до автоматизма, до уровня инстинктов и рефлексов, и тогда ты сможешь победить многих, очень многих противников. А если ты, кроме «базовых» приемов, владеешь еще парой десятков других – так тебе вообще цены нет. Я по молодости очень увлекался этим делом, хотя снайперу вроде бы такие штуки и ни к чему. Его дело – пускать пулю в цель. «Одна пуля – один труп!» – как говаривал некий персонаж голливудского фильма. Именно так и называющегося – «Снайпер». Но вот ведь какая штука: патроны име-

ют свойство заканчиваться. А еще – нужно быть готовым ко всему. Даже к тому, что из-за куста может выскочить «черт» и попытаться тебя зарезать. А у тебя только винтовка... да пистолет на поясе в кобуре, но времени достать его совсем даже и нет.

Ну и, кроме всего прочего, занятия рукопашным боем – это хорошая физкультура. Нужно же себя держать в тонусе! Не все время валяться на раскладушке! Или на диване...

– Можно сразу троих – с ножами, – предложил я. – Только тогда буду бить. Крепко буду бить, чтобы встать не смогли. И не гарантирую, что ничего не сломаю противнику. Если играть всерьез, так всерьез.

– Не нужно! – серьезно ответил тренер. – Все, что мне было нужно увидеть, я увидел. Касьянов, проводи тренировку, мне с товарищем потолковать нужно. Пойдемте, пройдем в тренерскую.

Все это напомнило мне недавнее посещение тира, и я невольно улыбнулся. Тренер чуть нахмурился – мол, чего это он надо мной смеется?! Но я сделал примирительный жест рукой, мол, не обращайтесь внимания, это я так... по жизни долбанутый. Тренер ничего не понял, но спрашивать не стал. Успокоился.

Обычный тренерский кабинет – кубки, вымпелы, дипломы. Какие-то бумаги в папках на завязочках, в шкафу. Стол – полированный, массивный, старый, но еще крепкий. В кабинете чисто и пахнет почему-то кожаными ботинками. Бор-

цовки где-то сложены?

– Вы кто, Михаил? – с ходу спросил тренер.

– Вы дзюдоист? – поинтересовался я, задав встречный вопрос. – Мастер спорта?

– Да, мастер спорта. Призер всесоюзных соревнований. Сейчас вот наших ребят тренирую. Рукопашный бой преподаю. А вы где рукопашный бой изучали? Десант? КГБ?

– Тут, знаете, какое дело... – вздохнул я, морально готовясь изложить мою историю с потерей памяти – в общем, слушайте.

Изложил я быстро – уже и привычка появилась! Как стихи читаю! Тренер слушал с удивленным лицом, а когда я закончил – помотал головой и выдавил из себя что-то вроде:

– Ну и дела! Вот это ни хрена себе! И ничего не помните?! Ну вы же должны быть где-то записаны! Вы точно бывали в горячих переделках – у вас следы ранений на теле, я заметил. А это значит, что вы воевали. А где могли воевать, кроме как на войне? Для Отечественной вы, наверное, слишком молоды, а вот Вьетнам... только почему так вас и не сумели найти? Странные дела творятся, ей-ей... Но да ладно. Паспорт у вас с пропиской есть?

Молча достаю паспорт, даю в руки. Внимательно его изучает, как в войну сотрудники Смерша изучали документы задержанных бойцов на предмет нахождения в документах скрепки, сделанной из нержавеющей стали. Реальная история – немцев ловили на такой мелкой глупости, как скрепка в крас-

ноармейской книжке бойца. У всех настоящих документов скрепка была сделана из обычного железа, со временем ржавела и окрашивала окислами железа всю доступную территорию, у фальшивых скрепки были сделаны из нержавеющей стали. Так этих шпионов и ловили.

– М-да-а... – тянет тренер. – Чего только в жизни не бывает! Так что вы хотели от нас, товарищ писатель? Персонажей выискиваете или что? Кстати, а как вы узнали, что владеете рукопашным боем? Если ничего не помните? – усмехнулся, подмигнул.

– Хочу заняться собой – слегка отяжелел, дыхалка не та стала, надо подтянуть организм. А как это сделать лучше? Да заняться прикладным видом спорта. А что касается того, как узнал, – так мало ли у нас еще хулиганов? Грабителей всяких. Приходится иногда обороняться. Понимаете ли... кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет! А тогда наша задача дать ему смертельный бой. Разве нет?

– Смертельный? – построжел тренер. – Кстати, ваши приемы вообще-то не годятся нашим операм. С ножом вы как поступили? Не выбросили, не изъяли – просто зарезали противника. Вы понимаете разницу между задержанием и уничтожением противника? Вас явно учили не задерживать, а убивать!

Вообще-то, он прав. Именно так меня и учили. В армии. В ОМОНе совсем другое дело, вот там как раз задерживают. Но... я отрабатывал и спецприемы. И, кстати, был чем-

то вроде помощника тренера, а иногда и за тренера. И приемы эти я ребятам давал. Пригодятся – в командировках в горячие точки. И в жизни пригодятся. Мало ли что бывает... лучше отсидеть, чем гнить в могиле.

– Я не знаю, где меня учили, кто меня учил. Откуда-то знаю эти приемы, и все тут! – усмехнулся я.

– Вы не просто их знаете, вы отработали их до совершенства, я же вижу. Но да ладно... что же с вами делать? Интересный вы кадр. А вот скажите, если я вам откажу, что вы станете делать? Куда пойдете?

– Куда? Пойду в другой зал. В «Буревестник», например. Ну, или еще куда-нибудь.

– А если и там откажут? Боюсь, что вы пойдете в какой-нибудь сарай, предварительно найдя себе партнера, и будете учить его боевым приемам. А потом ваш парень совершит преступление, наши опера попробуют его взять, и он поотшибает им бошки. Может такое быть?

– Хм... ну... если я обучу – вполне вероятно, что и поотшибает, – ухмыльнулся я, примерно понимая, куда ведет тренер. – Что делать, если не пригодился правоохранительным органам!

– Уголовных наколок у вас нет. – Тренер задумчиво постучал пальцами по столу. – Значит, скорее всего, вы не бывший уголовник. Да и к тому же я их чую за версту – хотя бы только по разговору. Уголовное прошлое никак не скрыть.

Эх, тренер, тренер... живешь ты в розовом мире и не ве-

даешь, что будет впереди, подумалось мне, будут уголовники такие, что хрен ты их отличишь от интеллигента, и интеллигенты такие, что ты от уголовника их не отличишь.

– Ладно! – решил наконец тренер. – Приходите тренироваться. Я не представился – Самойлов Виктор Иванович, заслуженный тренер СССР, мастер спорта международного класса. Теперь тренирую сотрудников. Сегодня в основном опера тренируются – УВД и райотделы. В другие дни... другие сотрудники. Когда вы бы хотели тренироваться, в какое время?

– Хм... пока не решил, – смущенно признался я. – А можно... я буду приходить, когда смогу? И я вам, если что, помогу, ребят потренирую, приемы интересные покажу.

– Хорошо! – Тренер аккуратно приложил ладонь к столу. – На всякий случай принесите справку из поликлиники, вдруг вы больной какой. Крякнете тут у меня на ковре, а я потом отвечай! Паспортные данные я сейчас перепишу, ну и... куртку купите или кимоно. И приходите. Расписание у входа на стене. А там уже определимся со временем тренировок, и вообще... как жить. Понятно?

– Понятно. – Я поднялся, чувствуя, что разговор наш закончен, и шагнул к двери.

Но тренер меня остановил:

– А хочешь попробовать со мной? Мне очень интересно, уж больно случай неординарный. Сумеешь у меня нож выбить? Или просто свалить?

Я едва не поморщился. Вроде только что договорились, всё обговорили – и на вот тебе, еще раз покажи! Зачем мне это надо?! Тут ведь какая штука – если все происходит на глазах у группы оперов (а оно так скорее всего и будет), то мое участие в поединке – это все равно как драться со старым дедом. Если он тебя отлупит – позорище, стыдоба! А если ты его – стыдоба другого плана. «На старика руку поднял!» Нет, в роли старика тут не тренер. Старик тут – я.

Хм... мы уже на «ты»? Впрочем, тренер ведь. Он и сам не замечает – для него все ученики, естественно, ниже него на социальной лестнице. Ну да ладно, пусть будет так. Я вообще-то не против, когда ко мне обращаются на «ты» люди одного со мной социального статуса, одного возраста. Только терпеть не могу, когда некто ведет себя как барин, «тыкает» и сует руку так, что не знаешь – ее надо пожать или поцеловать.

Тренер помолчал пару секунд и продолжил:

– Давай, знаешь, как сделаем... выставим все дело так, будто мы их разыграли. Будто мы давно знакомы, и я нарочно пригласил тебя, чтобы время от времени учить парней спецприемам. А ты... ну... допустим, бывший военный, а где воевал и с кем – государственная тайна! Вот! Хорошо? Согласен?

– Да я не против, Виктор... думаешь, поверят?

– Почему нет? Зато интересно будет! Заодно ребята попробуют себя – в реальном, так сказать, бою. И мне всегда

было интересно: практик, армейский боец против спортсмена – кто победит?

– Постой... ты вообще-то понимаешь, что можешь получить травму? Если драться по-настоящему, как в боях без правил, – минимум фингал заработаешь! А то и еще чего похуже!

– Хм... все возможно. Только с чего ты решил, что фингал заработаю я? – Глаза Виктора смеялись, но чувствовалась решимость и уверенность в своих силах. Вообще-то, он мастер спорта, а не хухры-мухры. А я... я всего лишь вояка, выучивший некоторое количество приемов и способный с их помощью убивать. Его-то я ведь не убью! Рука на него не подыметься! А значит, преимущество у него. Похоже, тренер решил все-таки восстановить реноме и слегка меня проучить. Ну что же... как хочешь! Думаешь, я буду драться по правилам? Нет, братец, ты не угадал...

– Куртку найдешь? А то в майке как-то стремно. Я бы и борцовки попросил... в обуви мне как-то привычнее.

– Боксерки могу дать.

– У боксерок подошва жесткая, боюсь тебя покалечить.

Но если не против – давай. Сорок четвертый размер.

Нашли самбистскую куртку – старую, но чистую и, самое главное, крепкую, сделанную из толстой грубой ткани. Пояс я надел белый – не надо выеживаться, я не мастер спорта, чтобы в черном поясе ходить. Просто уличный боец. Ну... почти уличный боец.

Боксерки тоже нашли – кстати, в соседнем зале, как оказалось, есть и ринг, и мешки. Там боксеры обитают. Часть их бывают и тут, у самбистов. Так что я точно угадал насчет боксера в прошлом поединке.

Когда мы вышли в зал, все замерли, глядя на нашу парочку. Тренер же поднял руку, привлекая внимание, и с легкой улыбкой на лице объявил:

– Кто не понял, это была маленькая мистификация, розыгрыш. Я знаю Михаила давно и решил сегодня вам показать, сравнить, какие приемы применяются в армии и какие в милиции. Само собой, учить особо опасные приемы, какие знает Михаил, не следует. Вы же не собираетесь убивать противника, вам надо его только нейтрализовать! Как показали сегодняшние спарринги – против такого, как Михаил, вы не выстоите. Но надо учесть, что у него специальная подготовка, которую дают только особым подразделениям (хм... а ведь он, сам того не зная, попал в точку!). Думаю, вам будет интересно посмотреть, что это такое. Сейчас я попробую достать Михаила ножом, а потом мы с ним проведем реальный бой – без правил. Я буду за милиционера, он за хулигана. И я попытаюсь его нейтрализовать. Итак, Михаил, что скажешь?

– Ну что сказать... – начал я и слегка смешался, обводя взглядом лица оперов. – Я не чемпион и вообще не спортсмен. Все мое умение имеет прикладное значение – с помощью этого умения я должен в максимально короткое время

вывести противника из строя с максимальной эффективностью. Так, чтобы он не встал в ближайшие несколько часов. А лучше всего – никогда. Потому, скорее всего, мое умение вам не пригодится. Задачи у вас иные. Но мне кажется, кое-какие навыки из моего арсенала вы сможете использовать.

«Если в Афган загремите! Надеюсь, я все-таки сделаю так, что никакого Афгана не будет», – подумал я и продолжил:

– Виктор пригласил меня быть помощником тренера, так что мы с вами будем встречаться достаточно нередко. И все-таки надеюсь, мои знания вам пригодятся и, может быть, даже спасут жизнь.

Опера захлопали в ладоши, и я скромно поклонился. Ну чем не звезда! Вот уж выпендрился, так и разэтак... м-да.

Виктор взял в правую руку деревянный нож и встал на середине ковра. Я пошел за ним. Затем он коротко скомандовал: «Начали!» – и тут же попытался нанести режущий удар в область груди. Очень быстрый удар, резкий, и если бы я не был готов к чему-то подобному – удар бы прошел. Кстати, на войне – чушь собачья это, а не удар. Грудь в разгрузке, а то и бронезилет надет – на кой хрен резать по груди? Вот если бы в лицо или по конечности – тогда да. А тут... Кстати сказать, рана от такого удара будет неглубокой и не угрожающей жизни. Но если резануть по горлу или по внутренней части бедра... Эти раны очень болезненны и кровоточивы. Нанеси их несколько, и человек истечет кровью, ослабнет, и тогда его можно будет добить без особых проблем.

Кстати сказать, с ножевым боем Виктор явно не знаком – так, какие-то верхи или уличные замашки. В нашей стране много «сидельцев», прошедших лагеря, а в лагерях умение владеть ножом, вполне вероятно, может спасти жизнь. Уважают таких умельцев на зоне.

В общем, размахивал он ножом достаточно шустро, но не очень профессионально. Потому через минуту я захватил его руку и, не вынимая из нее ножа, «воткнул» его тренеру в солнечное сплетение.

– Ребята, вы видели, что я сделал? – обратился я к операм, которые стояли вокруг нас кружком с горящими глазами и едва не подпрыгивая от возбуждения. – Я практически убил противника, но никто не сможет сказать, что я держал нож в руках! Поняли, да?

Опера поняли, захихикали, начали переговариваться и мотать головами. Пусть. Я вообще-то сторонник такого подхода к делу: если ты вынимаешь нож, пытаешься зарезать противника, – будь готов «получить его обратно». Как там сказано-то было? «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет!» И я не преминул озвучить этот тезис, чем вызвал дружный смех большинства оперов.

Только два или три человека из толпы стояли со спокойными и даже хмурыми лицами, но скорее всего потому, что такие они по жизни. А может, что-то случилось, и парни расстроены. Ну, например, в постели не вышло. Я-то такого представить не могу, но слышал – у других мужиков бывает.

Хе-хе...

– А теперь реальный бой, – объявил невозмутимый Виктор. – Ограничения – нос не ломать, в пах не бить, глаза не выдавливать. А в остальном – все что угодно.

Тяжко. Видел я бои без правил – сам не участвовал, но видел. И, как ни странно, частенько там побеждают борцы. Почему? Потому что борцу достаточно вцепиться в противника, а там уж и понеслось – бой переводится в партер, а в партере борец как рыба в воде. Удушающие приемы, болевые приемы. А значит – нельзя допустить, чтобы Виктор сумел меня уцепить и доказать, что он не зря носит черный пояс.

Хлесткий лоу-кик! Еще! Еще! В бедро! В голень! Нет, ребята, хватать я себя не позволю! Еще! Представляю, что сейчас творится с ногами Виктора, – синяк на синяке. Зря он позволил мне обуть боксерки – будь я в борцовках, и то ему было бы больно, а уж когда я в этих жестких «шкарах», для него это совсем печально.

– Нечестно! – не выдержал и завопил кто-то из болельщиков, когда я в очередной раз хлестнул ногой по голени Виктора. Я невольно улыбнулся, и наши с Виктором взгляды скрестились. Он был разъярен и жаждал меня уничтожить. И я его понимаю – на глазах учеников он, чемпион, мастер спорта, получает пинки, как какой-нибудь гопник?! Обидно же! Ну, сейчас он мне покажет.

«Мы вам ничего не позволим показывать! Мы вам сами

все покажем!» – чеканная фраза из старой комедии «Гараж» была сейчас как раз к месту. Виктор рванулся вперед, норовя уцепить меня за рукав куртки и шваркнуть на ковер, как злую соплю, но... ожидаемо нарвался. Я ждал этого броска. Все мои лоу-кики были лишь средством вывести из себя спокойного и уверенного в себе борца. Я подвел его к пониманию, что единственная возможность меня одолеть – это перейти в партер и задавить, задушить на полу. Кстати, пытаться задавить меня – это совершеннейшая глупость. Кто ему сказал, что меня так просто задавить на ковре? Сил у меня хватает, умения тоже, а массой я килограммов на пятнадцать его тяжелей. И выше ростом. Вот если бы мы сошлись по борцовским правилам, тогда – да. Никаких лоу-киков, никаких ударов. Только подсечка да подножка. Ну и броски само собой.

Я отпрыгнул в сторону и встретил его ударом в горло, когда он проскакивал мимо, с трудом сдержав руку в желании разбить гортань. Но и этого удара хватило, чтобы Виктор задохнулся и едва не потерял сознание. А когда он упал, я прыгнул ближе и пяткой обозначил удар в шею, на добивание. Как и положено – вдруг враг встанет? У борцов не поставлена ударная техника – по понятным причинам.

Все в зале молчали. Гробовая тишина! Потом кто-то из толпы угрюмо сказал:

– Это просто триндец. Статья обеспечена! Если мы так будем добивать своих задержанных – Нижний Тагил нас точ-

но ждет.

– А кто вам велит добивать? – парировал я. – Эта связка рассчитана на то, чтобы уничтожить врага. Именно врага, а не преступника. Правильно сказал ваш тренер – у вас совсем другие задачи и методы борьбы с преступниками. Я армейский боец, разведчик, моя задача – убить. Да так убить, чтобы он перед смертью и пикнуть не успел! То, что я вам показал, – это секретная техника специального назначения. Вам мы будем давать облегченную версию. Ну а кто захочет – с разрешения тренера, – тот изучит и специальную часть. Но, повторяю, – с разрешения тренера. И после того как мы убедимся, что вам можно ее изучать. Почему так? Потому что неуравновешенный человек, получив в свои руки смертельные приемы борьбы без оружия, может натворить дел не меньше, чем с пистолетом либо винтовкой. Никто из вас по пьянке не стрелял из пистоля в потолок, а? Никто не показывал таксисту ствол и не требовал везти его бесплатно?

Парни засмеялись, посмотрели друг на друга, и я увидел, как смутились двое из них. Ага! Взять на заметку! Видать, любители покуролесить. Опера всегда были такие... не от мира сего. Их время от времени приходится останавливать, иначе совсем пойдут вразнос. Работа у них такая. Многие или спиваются, или (и) крыша у них едет, и могут натворить всякого. Впрочем, в этом времени, насколько я знаю, к бухгалтеру на службе относятся гораздо лояльнее, чем у нас. Будут долго уговаривать, вешать на бухарика выговоры и, лишь

когда он совсем зарвется, вышибут по компрометирующим обстоятельствам. Или предложат написать рапорт на увольнение по состоянию здоровья. Это у нас, в нашем времени, вылететь из ментовки, то бишь из полиции, – совсем плевое дело. И никто за тебя не заступится – бухарики не в чести.

– Ребята! – Я возвысил голос, перекрывая шум и внимательно наблюдая, как Виктор тяжело поднимается, растирая горло (слава богу, вроде не сильно я ему врезал!). – Вообще-то, для военного рукопашный бой практически не нужен. А вот вам – он совершенно необходим!

Ага, затихли! Ну, кто спросит?

– Почему это военному не нужен? – спросил высокий худой парень, его лицо, казалось, вырублено топором. – А зачем тогда вы его изучали? Ну мы-то понятно, нам нужно уметь драться, а вам-то почему не надо?

– Чтобы вступить в рукопашный бой с противником, бойцу нужно потерять на поле боя автомат, пистолет, нож, саперную лопатку, поясной ремень. Потом найти ровную площадку, на которой нет ни камней, ни палок, и на этой площадке обнаружить такого же раздолбая, который все потерял. И только потом вступить с ним в рукопашную схватку.

Нет, все-таки приятно быть застрельщиком, а? Я эту шуточную рассказку слышал и читал раз сто, не меньше! Но придумана она была точно позже 1970 года. Иначе бы эти парни не хохотали так яростно, утирая слезы и хлопая по ляжкам. Да, я великий фонтан юмора! Хе-хе-хе... Даже как-

то неудобно стало – дети этого времени наивны, и у них нет Интернета. А я ведь теперь обладаю абсолютной памятью!

Кстати, странное и приятное обстоятельство. Приятное – ясно, почему. Когда ты можешь враз выдать на-гора любой текст, прочитанный тобой или написанный тобой, – разве это не счастье?! Да за такую способность любой писатель отдаст все, что у него есть! И еще в долги залезет! Теперь я могу присвоить любой текст, который читал в своем времени. Начиная с моих коллег-фантастов и заканчивая каким-нибудь Аберкромби или Вегнером. Ну что мне стоит теперь взять и повторить слово в слово романы Аберкромби «Герои» или «Лучше подавать холодным»? Если только совесть...

Но вот очень важно то, что я теперь могу повторить все мои книги, написанные за мою жизнь. А ведь это не так просто. Мне приходилось заново переписывать «Неда», мучительно вспоминая то, что было мной и написано. А теперь... ох, что будет теперь! Дух захватывает! Кстати, а не перейти ли мне на новую систему написания книг? Зачем писать самому, если можно нанять классную, дорогую машинистку и диктовать ей текст, читая «с листа»?! Просто закрыл глаза, представил страницу книги и... читай! Надо будет над этим обстоятельно подумать!..

– Но все-таки зачем вы изучали? – не унимался парень.

– Я десантник. Десантник может оказаться в любых обстоятельствах, и владение приемами рукопашного боя ему не помешают. Тем более, как я уже сказал, разведчику. А кроме

того, занятия единоборствами есть та же самая физкультура – дисциплинирует тело и разум, учит терпеть боль и сохранять присутствие духа. Так что, если вы связаны с какими-то силовыми структурами – милицией, КГБ, – вам обязательно нужно заниматься единоборствами. Как и стрельбой. С пистолетом вы не всегда ходите, ведь так же? А владение приемами рукопашного боя всегда с вами. А я вам скажу, что иногда важнее уметь драться, чем иметь при себе пистолет. Впрочем, вы это лучше меня знаете.

Улыбки, кивки – все они знают, сколько надо отписываться после применения оружия. Лучше лишний раз его не применять. Тем более сейчас, в этом времени, когда применение огнестрельного оружия преступниками – это настоящее ЧП, на которое выезжает прокурор города. Да, это не наши времена, когда какой-нибудь поддатый мажор легко может расстрелять из пистолета водителя снегоочистителя, помешавшего ему подъехать к тротуару.

В спортзале я пробыл еще час. Кое-что из приемов показал парням – например, как завладеть ножом противника, как взять на болевой – стоя, без особых усилий. Как выбить из рук напавшего пистолет, при этом сломав противнику палец. Как работать ножом против одного и нескольких противников. Ну так... слегка показал, не все, конечно.

Вообще-то, у дзюдоиста не было против меня ни малейших шансов. Вот если бы он был боксером того же уровня, тогда да. Вполне вероятно, что мне пришлось бы туго, хотя

и это совсем не факт – я ведь не собираюсь биться с боксером по правилам бокса. Я собираюсь его поломать. Любым доступным мне способом. Например – сломав ногу или пнув в пах. У боксера ахиллесова пята – его ноги и все, что ниже пояса. Он не ждет туда удара, а я бью ногами не выше солнечного сплетения. Только идиоты устраивают балет со всякими там хитрыми мавашами. Реальный боец не задирает ноги выше пояса. И не стесняется пользоваться грязными приемами.

Помню, смотрел один старый фильм о противостоянии кланов самураев и ниндзя – типа, они в наше время устраивают схватки друг с другом и режутся до полной победы или смерти. Глуповатый фильм, но с хорошо поставленными боями – на мечах и рукопашную. Так вот там ниндзя говорит обманутому им и пойманному самураю: «Глупый самурай! Для ниндзя главное – не честь, для ниндзя главное – победа». И в этом он был совершенно прав. Для бойца главное – не его честь, не его порядочность, а выполнение приказа командования. Выполни – или умри! И если для этого тебе придется пользоваться грязными, подлыми приемами – никого это не волнует. Главное, выполнить задание!

Пока возился в спортзале, подкрался вечер. Конец ноября, темнеет быстро. На стекло машины налипли последние, сорванные ветром, мокрые листья, с машины стекали потоки дождевой воды. Я нырнул в холодный салон «Волги» и, повернув ключ зажигания, замер, глядя, как «дворники» очи-

щают стекло от мусора и капель. День прошел вполне себе неплохо, продуктивно. Удалось наладить контакты в стрелковой секции, договориться о занятиях в зале самбо. Все, что наметил на сегодня, – сделал. Зачем мне стрелковая секция, если я и так неплохо попадаю в цель? А где мне, не будучи в секции, взять оружие? Мне нужен пистолет Марголина, и добыть его я могу только в спортивной стрелковой секции и больше нигде. А никакой другой ствол мне не нужен. Почему? Потому что у малокалиберных патронов мягкая свинцовая пуля, деформирующаяся при попадании в тело человека. По ней нельзя провести экспертизу, нельзя привязать ее к определенному пистолету. Главное – не оставлять гильз на месте происшествия.

Так и захотелось написать: «на месте преступления». Ну да, с точки зрения закона – это место преступления. А с моей – происшествия. И только так. Если я не остановлю маньяков – кто их остановит? Государство? Государство не может наказать за то, чего его гражданин еще не совершал. А когда совершит – будет уже поздно.

Я не знаю, кем вырастет мальчишка, которого я собираюсь спасти от его убийцы Сливко, и вообще никто так и не узнал, кто этот подросток. Но мальчик не заслуживает такой страшной и безвременной смерти.

Или Чикатило – когда он убьет первую девочку, только тогда государство получит возможность его наказать? Нет, это неправильно.

Я ЗНАЮ, что они сделают, и я должен их остановить, прежде чем это свершится. «Если не мы, то кто?»»

Путь до дома не занял много времени. Дорога пустынна, в этом мире нет таких пробок, как в моем. Далеко не у всех есть автомобили и даже мотоциклы. А в такую погоду все дома сидят, нос на улицу не высовывают. Смотрят сейчас свой черно-белый телик, ужинают, сидя за столом возле сковороды с жареной картошкой, – хорошо! Мой старый, мой любимый город, который в детстве я любил, а потом перестал любить. Почему перестал? Много тому причин. Но сейчас это город, который люблю. Мой город детства.

Глава 2

Дома меня ждал запах пирогов. Обожаю пироги! С мясом, с капустой и яйцами, с капустой и рыбой – главное, чтобы лук туда не пихали. Ну да, вот такой у меня пунктик – терпеть не могу жареный и вареный лук! Парни-сослуживцы всегда ржали, глядя на то, как я аккуратно вылавливаю и выбрасываю из миски вареный лук. Шуточки всякие – типа того, что раз я лук не ем, так волков боюсь. Ну как детям говорят: «Ешь лук! Волков бояться не будешь!» Не знаю, чем связаны волки и лук, откуда взялось такое высказывание – но вот все так, как есть.

А сырой лук ем с удовольствием! И маринованный! Сырой лук лучше всего есть с салом. Нарезешь сало ломтиками – розовые прослойки просто светятся! Кусочки так и просят: «Съешь меня! Съешь!» Рядом – нарезанный аккуратными колечками лук. И соль – с ней вкуснее, если только сало не сильно соленое. Ну и хлеб – черный лучше всего, и такой вот... с тмином, что ли, – не знаю, как называется эта пахучая посыпка. И стопка водки – холодная, запотевшая...

Вообще-то надо признать, что чаще всего мне приходилось есть растаявшее на жаре сало, пожухлый горький лук, черствый хлеб и пить теплый, мерзкий самогон. С такой отрыжкой, что она может на метр убить всю тлю на яблонево́й ветке. Ну так вот получалось... откуда на войне холодильни-

ки?

Сало откуда взялось? Да мало ли... бывало, присылали. Или кто-то приезжал с Большой земли. На Кавказе, к примеру, сало – деликатес. Нет, не среди местных – они к салу и не прикоснутся. Среди наших, потому что хрен ты найдешь это сало по понятным причинам – никто свиней не держит. Одни барашки.

С улицы приятно шагнуть в тепло квартиры, и как-то забываешь, что это не моя квартира, не мой дом. Мой дом остался в другом мире, в 2018 году. И скорее всего – я там лежу в могиле, и моя жена ходит на нее лить слезы. А может, нашла себе приличного мужика и только иногда вспоминает обо мне с тоской и печалью. Все-таки жили мы хорошо, любили друг друга. Я и сейчас ее люблю, и всегда любил.

Кто-нибудь спросит, как это может совмещаться – тут у тебя баба, а ты тоскуешь по своей жене? Да пошли вы! Вот только так и скажу. Человек скотинка такая... ко всему привыкающая. Я ведь назад уже точно не вернусь, уверен в этом – пробовал, и не раз. Ездил на то место, где меня выплюнуло Мироздание. И днем там был, и ночью был. И ни-че-го. Есть у меня одна мыслишка: может, этот проход открывается один раз в год, в июне? Но что-то мне в это не верится.

Облазил я там все. Даже, думаю, нашел то конкретное место, куда меня выкинуло, – на берегу речки Гуселки. Там листья взлохмачены, и даже следы босых ног в мокрой земле остались. Еле заметные, но остались. Лес долго хранит сле-

ды...

Кстати сказать, забавно вышло, что я перенесся голым. Похоже на то, как это было обговорено в «Терминаторе». Только то, что в тебе, что закрыто живой плотью – то и сохраняется при переносе. Пломбы мои в зубах остались целы. И это просто замечательно, пломбы-то у меня из импортного материала, не чета здешним.

Зина возилась на кухне, когда я вошел в квартиру. Чем-то там гремела, потом что-то уронила и тихо, но явственно выматерилась, да так, что у меня невольно разъехались губы в улыбке. Ну чисто грузчик матерится, ей-ей! Нет, никогда не на людях, но завернуть может так, что и у грузчика уши в трубочку свернутся. Все-таки войну прошла в полевом госпитале, а там... там не ругались матом, там на нем разговаривали.

Ну да, ей почти пятьдесят лет, как и мне. Только с ней странное дело – после ранения, которое лишило ее возможности рожать, Зина будто законсервировалась, остановилась на возрасте тридцати пяти лет. Ну еще и ее упорные, истовые занятия физкультурой – она минимум по часу каждый день занимается с гантелями и эспандером. Фигура спортсменки, стройные ноги и высокая грудь. Ну а лицо... для лица есть средства ухода, и народные, и зарубежные. Дорогие, правда, но она ведь известный психиатр, преподает в медицинском институте – уж она-то может достать вещи по блату, со спецскладов. На этих складах есть все, о чем мечтает советский

человек. Вот только заведующие этими складами не очень-то желают допускать туда всех советских людей. «Все животные равны, но некоторые – равнее!» – вспомнился Оруэлл, «Скотный двор».

– Ай! – Зина вскрикнула, когда я легонько хлопнул ее по заднице. – Да черт подери! Ну как ты меня всегда пугаешь! Пошуметь не мог, что ли?! Вечно подкрадываешься, как тигр к добыче! Интересно, как так у тебя получается – при твоём-то росте и весе!

– И не такой уж у меня и огромный вес! – слегка, почти натурально оскорбился я. – Всего сто десять килограммов! Жиры-то мало! На мой рост получается совсем ничего! А было бы лучше, если бы я был каким-нибудь дрищом?! Представь – лежу на тебе, тощий, как змея, и так извиваюсь, извиваюсь... фу!

Зина задумалась, вытирая руки фартуком, потом мечтательно, нараспев протянула:

– Зама-анчиво... Говоришь, извиваешься так... извиваешься? В этом что-то есть! А кое-кто ка-ак... придавит – только охнешь, ни вздохнуть, ни... м-да.

Мы хихикнули, и я с наслаждением опустился на стул за кухонным столом. Кухня была большой, можно даже сказать огромной – по меркам этого времени, когда в типовой кухне пятиэтажки хозяйка, становясь посередине кухни, доставала руками и до раковины, и до плиты, и до посудного шкафа.

Я когда-то читал, что проекты этих пятиэтажек были

некогда конфискованы у немцев – после окончания войны. И что в таких пятиэтажках фашисты собирались размещать рабов – когда нас завоюют. Не знаю, правда это или нет. И якобы Хрущеву очень понравилась дешевизна этих домов, и они пошли в строй.

Я так-то очень даже сомневаюсь, что эта история правдива, но версия существует, точно. Хрущев вообще-то много напоганил. К примеру, в конкретном городе Саратове. Всем дельным строителям известна история о том, как Хрущеву предоставили на обозрение проект моста через Волгу, соединяющего Саратов с его сателлитом Энгельсом. История совершенно правдивая – ее рассказывают в политехе на факультете ПГС (промышленно-гражданское строительство), – приводя пример того, как один идиот может нанести просто невероятный ущерб, если обладает властью и не обладает разумом. Ну, так вот: предоставили Хрущеву проект моста, просмотрел он его и сказал: «Слишком дорого! Уменьшите стоимость строительства!» Строители за голову схватились – как уменьшить?! За счет чего?! Меньше цемента положить? Меньше опор сделать?! Да он, сцука, развалится ведь, сделай его дешевле, ведь там и так все по минимуму!

И тогда они взяли и вместо пяти полос движения сделали три. Одна полоса туда, одна обратно, и резервная – для спецмашин. И Хрущев был доволен – умеют же, когда захотят! Дешево и сердито!

Вот только потом это аукнулось. Когда идиота Хрущева

уже не было в живых. Там вскоре стали возникать гигантские автомобильные пробки, а если авария – так движение на мосту вставало насовсем. Наглухо. Хоть на вертолете лети! Ни скорой, ни милиции не проехать. Три полосы. Перекрыть их – раз плюнуть.

И тогда пришлось строить новый мост. В другом месте, за городом. Настоящий, многополосный, хороший мост. А к нему – путепроводы. И только тогда движение на старом мосту нормализовалось. Но вылезло это все в очень даже крутую копеечку – новый мост длиной больше семи километров.

А эту квартиру строили еще при Сталине. Такие квартиры так и называют – сталинки. Огромные комнаты, высоченные потолки, кухня – как и положено быть кухне в нормальном доме, а не в рабском загоне. У таких квартир один недостаток – старые коммуникации. Если вовремя не сделали капитальный ремонт, если не заменили стояки и канализационные трубы – тогда беда. Воды нет, и дерьмо льется из унитаза. Особенно «счастливы» те, кто живет на первом этаже. По понятным причинам. Как забьется – все дерьмо в гости к ним.

Но тут все было замечательно. Новые трубы, хороший ремонт. Здесь жили чиновники и их родня, а чиновники себе плохого не пожелают. Все сделали как надо.

Мы сели за стол, и тут я в полной мере почувствовал, как проголодался. Вернее, почувствовал я раньше, когда запах

пирогов учуял, но когда сел за стол, на котором лежали не разрезанные еще пироги, – просто изнемогал, так мне хотелось жрать! Все три моих любимых пирога – с мясом; с капустой и яйцами; с яблоками. Тут же – горячий чай, а еще – стаканы с молоком.

Люблю я молоком запивать яблочный пирог! Зина знает! Молоко здесь забавное, вернее – пакеты, в которых оно продается. Эти пакеты – пирамидки, такие смешные! Вечно подтекают – в молочном магазине под проволочными ящиками, где лежат пирамидки, всегда стоит белая лужа.

Мне вот интересно – как они списывали пролившееся молоко? Ведь как-то же его списывали? Наверное, заранее закладывали процент «на бой». Ну как со стеклянными бутылками. Мол, часть все равно разобьют.

Уже засовывая кусок пирога в рот, не выдержал, спросил у Зины:

– Чего это ты расстаралась? Какой повод? Что празднуем?

Нет, ну в самом деле – не каждый день ведь пироги печем. И когда ей? Она то в клинике, то в институте, а тут... надо несколько часов то тесто замешивать, то начинку готовить. Вроде никакого праздника-то не предвидится!

– Просто решила тебя побаловать. Я так редко тебя балую! – Зина усмехнулась, и лицо ее вдруг стало грустным и... на десять лет старше. Нет, все-таки женщинам нельзя грустить. Они от этого стареют. Только улыбка! Только позитив! Если получится, конечно.

– Тебе надо перебираться в Москву, – вдруг сказала она, глядя в пространство. – Там вся жизнь. Бурление, кипение и все такое. А здесь... здесь деревня.

– Но я люблю деревню! – запротестовал я. – Да и не хочу я в Москву! Всегда ее не любил. Шумная, пыльная, жаркая! Летом рубашку хоть выжимай. На болотах ведь стоит. И народ какой-то злой, нехороший. Нас лимитой ругают. Мол, понаехали! Не, не хочу в Москву!

– А придется, – вздохнула Зина. – Тебе квартиру надо получать. вступишь в Союз писателей – и сразу начинай выбивать себе квартиру. Тут твой издатель звонил, этот... хм... Ма... Ма...

– Махров? – спросил я, чувствуя, как забилося сердце. – И что он говорит?

– Говорит, что все отлично, ждут вторую книгу, а первая пошла на ура! И больше чем на ура, потому что ее хотят перевести на английский и издать в каком-то зарубежном издательстве.

– Каком?! – снова заволновался я. – Что за издательство?!

– Что-то про страуса... вот черт! Забыла!

– Фаррар, Страус и Жиру? – выдавливаю я из себя, ошеломленно глядя на Зину.

– Да, точно, Жиру! Смешное такое название... «Страус и Жиру»!

– Такие у них имена, – рассеянно бросаю я, пользуясь словами из одной песни.

– Смешные имена, – улыбается Зина, потом добавляет: – Еще Махров сказал, что тебе надо приехать в Москву как можно быстрее и переговорить по поводу вот этих самых «страусов». А еще надо подать заявление в Союз писателей – тогда ты будешь числиться трудягой, а не тунеядцем.

– Когда приехать? – вздохнул я, сразу пытаюсь соотнести свои планы с реальной действительностью.

– Ты же сказал, что дописал вторую часть, так?

– Ну да... в общем-то, да. Тогда я завтра поеду за билетом, и...

– Ты завтра поезжай-ка сразу с вещами, и вперед, поезжай! Такие дела надо делать быстро! А пока ешь, отдыхай, рассказывай, где сегодня был и что делал. И на ночь у меня на тебя большие планы!

– Насколько большие? – деловито осведомился я. – Вот наемся пирогов, и не до планов будет! С полным-то животом!

– Ничего... до ночи еще далеко, уляжется.

Мы посидели еще полчаса – я рассказал Зине, как провел день, она порадовалась, что я встретил дельных людей, которые мне пригодятся. И снова повторила, что я не должен останавливаться на этом пути – что намечено, то я и должен сделать. Стальная баба, точно! Это просто какая-то Тэтчер местного разлива!

Затем я ушел в свой кабинет, достал пишущую машинку, которую использовал только для написания писем-про-

рочеств, подписываемых «Шаман», и углубился в мысли – что еще написать? О чем? Первое мое письмо с описанием предателей Родины и террористов-литовцев дошло до адресата, в этом я уверен. Прочитал, как в газетах написали об уничтожении Бразинскасов. А вот про остальных – совсем не в курсе. Про шпионов. Как-то про них помалкивают наши люди с чистыми руками и холодными головами. Да это и понятно – зачем светить свои операции? Может, кого-то еще и задействуют в обмен на обещание не расстреливать. Дезу, например, могут качать.

Так вот что теперь писать? А может, особо не заморачиваться и просто начать рассказывать историю СССР с этого момента и до самого его конца? А почему бы и нет? Я ведь прекрасно помню практически все важные события, которые происходили в СССР и за границей в этом году. И в следующем. Все это было выложено в Интернет, я этим интересовался – при написании книг, например. А еще что-то узнавал из книг моих коллег, писателей. Особенно альтернативщиков.

Конечно, если я читал невнимательно, то не все помню даже с моей новой, исключительной памятью, но многие, очень многие важные события помню хорошо. Например, 12 декабря в Польше повысят цены на мясо и другие продукты, и начнутся волнения. А через пять дней войска начнут стрелять по толпе, и несколько десятков человек погибнет. В результате этих событий уйдет в отставку политический лидер

– первый секретарь Польской объединенной рабочей партии.

В начале 1971 года, а точнее, 5 февраля, американцы в третий раз высадятся на Луне. А 30 июля 1971 года – в четвертый. Факты такие... сомнительные, ведь никто до сих пор не знает достоверно – были они на Луне хотя бы один раз или нет, но... Впрочем, тогда лучше об этом и не упоминать. Тем более что эта информация ни на что не влияет. Плевать нам – были они на Луне или в павильоне Голливуда кошку гоняли, чтобы не топталась по «кратерам». А вот интересный факт о гибели правой руки Мао Цзедуна, Линь Бяо, вместе со всей его семьей – это интересно. С этим наши что-нибудь могут и сделать. Инфа горячая. А произойдет это в Монголии, 13 сентября 1971 года, то есть почти через год. Пусть решают – предупреждать его или нет.

Черт! Вот что вспомнил – 1 декабря 1971 года АН-24 под Саратовом упадет. И погибнут все, кто был на борту. Об этом надо сообщить – пусть примут меры. Жаль, я не о всех катастрофах помню, а то бы тоже предупредил. Об этой саратовской катастрофе я знаю с юности, рассказывали. В основном – всякую чушь, которую даже повторять неохота. Типа, там деньги везли, и деньги валялись по кустам, как осенние листья... чушь, она чушь и есть. Главный факт – погибли 57 человек из-за отказа системы антиобледенения. Рейс из Уфы в Саратов.

Ну и к концу 1971 года в Чили начнется безобразие. Кастрюльные бунты и все такое из-за политики президента-со-

циалиста Сальвадора Альенде. Развитие событий приведет к военному перевороту, к власти придет военная хунта во главе с Пиночетом.

Вообще-то, с Пиночетом не все так просто. Назвать его абсолютным злом язык не повернется. Но то, что он загнал коммунистов на стадионы и перестрелял, – факт. И что во время его правления страна на самом деле поднялась. Альенде же довел ее до ручки. До голода. И кто был тут прав?

Я не знаю. Нас с детства приучали думать, что Альенде герой, а Пиночет сатана. А вот в перестроечные годы все сменилось на полную противоположность. И теперь, с высоты прожитых лет, мне кажется, что истина, как всегда, где-то посередине. Историю переписывают и будут переписывать в угоду власти, и ничего с этим не поделать. Такова жизнь.

Ну что еще там... США долбает Вьетнам, но это не новость, а так больше ничего особого и не запомнил. Ну не интересно мне было, кто выиграл на выборах в какой стране и какой самолет упал в каком году. Кроме саратовского, ибо он мне не чужой, если можно так сказать.

Письмо накатам довольно-таки быстро – всего за час. Кроме сухих фактов, добавил кое-что от себя, размышления, так сказать. Ну и на этом завершил. Особо много информации сейчас давать не буду – бесполезно. Пусть созреют. А мне нужно упорно лезть вверх, туда, где меня так просто убрать не получится. Чтобы нельзя было меня ни убить, ни посадить в психушку.

А путь к этому один – добиться такой известности, такой популярности, чтобы с меня пылинки сдували, боялись, как бы не упал хоть один волосок с моей гениальной головы... хе-хе... Все равно меня в конце концов вычислят, и я к этому готов. Всегда готов! Но пусть это будет попозже, и так, чтобы моя головушка не полетела наземь вместе с волосами.

Известность в этом случае палка о двух концах – с одной стороны, это защита. Маститого автора не осмелятся так просто закрыть – «весь цивилизованный мир» на дыбы встанет. С другой – меня тогда легче вычислить. В КГБ работают совсем не идиоты, и находить они умеют. Если захотят, конечно. А они точно захотят! И как хорошо, вовремя появилось это иностранное издательство! Интересно, как они на меня вышли?! Небось Махров подсуетился. Ладно, потом сам расскажет.

Я проверил готовую рукопись, которую отпечатал в трех экземплярах, упаковал ее в отдельные пакеты. Сложил все в дипломат, поставил его к столу. Все хорошо! Послезавтра я в Москве, толкую с Махровым, потом назад, сюда, и... «... вновь продолжается бой! И сердцу тревожно в груди! И Ленин, такой молодой...» Бу бу-бу бу-бу бу-бу-бу! Бу бу-бу бу-бу бу-бу-бу!..

Настроение у меня просто отличное. Все идет как надо!

Ночь прошла бурно, как никогда. Или как всегда? Как в последний раз. Зина как-то грустно сказала, что для нее каждая ночь со мной – как в последний раз. Ее последний шанс.

Ее последняя любовь. Скоро я уйду от нее, и снова она останется одна. А пока... пока жар страсти! И пусть он не утихает!

Я ее, конечно, успокаивал, мол, никуда не денусь и все такое, но мы оба знали – наша связь недолгая и некрепкая. Я ведь Зину не люблю. Да, она дорога мне – как друг, как любовница, как помощница в моих делах, но любовь... любовь – это совсем другое. Что именно? А кто знает – что именно? Кто может дать определение любви? Если только поэт, но он, как всегда, соврет. Утопит истину в потоке красивых рифмованных слов, и не более того.

Зина хотела сама отвезти меня на вокзал на своей «Волге», но я ей запретил – пусть едет на работу, занимается делами, – доберусь на троллейбусе. Тут пройти несколько кварталов, и вот уже остановка у кинотеатра «Искра». Любимого кинотеатра «Искра».

Ох, помню, как мы в него ломились – тогда показывали «Золото Маккенны»! Народ душился в очереди – орали, ругались, до драк доходило! А когда ты попал в вожделенный кинозал, сел в амфитеатре, глядя на экран, то... все, пропал! Солнце! Ковбои! Благородные индейцы! Голубое озеро, сквозь прозрачные воды которого просвечивает фигура обнаженной женщины! И песня, эта песня, которая до сих пор вызывает у меня ностальгическое чувство и мурашки по коже: «Только стервятник, старый гриф-стервятник знает в мире что почем!», «А золото, как всегда, манит на-а-ас!».

Класс!

Да, я старый романтик, хотя и немного циник, – не сумели из меня выжечь мальчишку, мечтающего о прериях и длинноствольном кольте. Может, потому я и стал писать фантастические романы, ведь только мальчишка может мечтать так, чтобы его мечты воплотились в слова.

Троллейбус с утра полон, и я даже пожалел, что не согласился на предложение Зины. Когда приперли к поручню и что-то захрустело, я даже подумал – ребра поломали! И это мне, орысине 187 сантиметров роста при весе 110 килограммов! А что же тогда бывает с задохликами-ботанами, которых прижимают к таким вот поручням?!

К хорошему быстро привыкаешь. В моем времени, в моем мире трудно себе представить человека, у которого в семье нет хотя бы одной машины. А у многих две, три машины. Например – внедорожник для природы и «пузотерка» для города. Или машина мужа и машинка жены. Нормальное дело! А тут надо за машиной несколько лет стоять в очереди, ждать, когда пришлют «открытку», и только тогда ехать выкупать автомобиль. И многие зимой вообще не ездят! Мерзнут на остановке, дожидаясь автобуса по полчаса и больше, но машина стоит в гараже на колодках (чтобы пружины не сели!) и ждет лета – зимой-то и сгнуть может!

Глупо, конечно, но наш советский человек привык, что у него имеется мало красивых дорогих вещей. Потому их надо беречь. А здоровье... ну что, здоровье, не убудет же от него,

если немного померзнешь на остановке? Вылечат!

Сегодня, кстати, дождя нет – холодно, изо рта пар идет. В тугο набитом людьми троллейбусе тепло и вонько, пахнет женскими духами, перегаром и мокрым тряпьем. Сыро на улице, в небе ветер гоняет тучи, а троллейбус бодро везет советских граждан к светлому будущему. Расплескивает ночные лужицы, забрызгивая грязью фонарные столбы.

Я пялюсь в огромное заднее окно, придерживая рукой большой дипломат с рукописью, сменой белья, бритвой и зубной щеткой, и мне хорошо. Это мир моего детства, это самый лучший из всех миров, что могут быть на свете! По крайней мере, мне так кажется с высоты прожитых лет. В детстве мы стремимся поскорее вырасти – чтобы купить ружье и ходить на охоту. Чтобы водить мотоцикл. Чтобы машину купить. Чтобы... чтобы было у нас все, что есть у взрослых.

А когда ты становишься взрослым и у тебя есть все, что могут купить взрослые, – ты готов отдать это «все», чтобы вернуться назад, в детство. Вот только этого сделать ты и не можешь.

А я смог! Не знаю как – но я смог! И теперь разглядываю вывески магазинов, гляжу на людей, одетых смешно и старомодно, и глуповато-счастливо улыбаюсь. Да, в этом мире до черта всяких проблем! Да, он не совершенен! Но я его люблю. Потому что трудно не любить свое детство.

Вокзалы я любил, сколько себя помню. Есть в них что-

то такое... не могу передать словами! Это запах дальней дороги, запах путешествия, запах предвкушения и радости – ведь в конце этого самого путешествия тебя ждет только хорошее! В детстве и не бывает по-другому... только хорошее!

В кассу стояла небольшая очередь – три человека. В соседние – больше, четыре-пять, и я встал туда, где меньше очередь. То ли мне везло, то ли кассирша работала в этой кассе быстрее, но к заветному окошечку подошел уже минут через пятнадцать, что в этом мире совершенно рекордные сроки. После короткого разговора с кассиром я стал обладателем билета в вагон СВ на фирменный поезд, «девятку», прибывающий в шесть двадцать утра по Москве.

Вообще-то, я не очень люблю поезда, прибывающие в такую рань. Возможно, что они удобны для командировочных, которые мечтают уладить свои дела за один день, но вставать в такую рань – это издевательство. Но что поделаешь? Чему быть, того не миновать. Вообще-то, это шесть утра по Москве, местное – семь часов. Но все равно.

Итак, билет у меня в кармане. На другие поезда билетов не было, а ждать проходящего поезда я не захотел, чтобы покупать билет за минуту до отправления и потом бежать к вагону, высунув язык, как собака. Да и какой смысл выехать, к примеру, в десять утра, чтобы приехать на место в четыре часа ночи? И сидеть потом, дожидаясь, когда начнет ходить транспорт и откроется издательство!

Только вот одно обстоятельство немало досадовало – по-

езд-то отправляется вечером, в шесть часов. Куда девать время? Бродить по городу? Ну так-то можно, только – зачем? Поехать в тир? Я вчера там был, настрелялся. В спортзал тоже неохота – хватит, нарисовался, и достаточно. Настроения нет. Для спорта нужно настроение, иначе это не спорт, а мучение.

Впрочем, это касается лишь посещения тренажерного зала. Если бы профессиональные спортсмены бросали тренировки из-за плохого настроения – где бы они были? Уж точно не на олимпийских играх. Поеду-ка я домой... там у меня пироги со вчерашнего дня остались, там печатная машинка, так что...

И я поехал домой. Дипломат оставил в автоматической камере хранения. Ничего ценного у меня там не было – если не считать рукописи, но третий экземпляр ее был дома, на всякий случай. Так что если какой-то вор и вскроет ячейку (что сомнительно), то я спокойно могу воспользоваться резервным экземпляром. Забрал только письмо, решил над ним еще как следует подумать, так сказать, на свежую голову.

Добрался быстро, от вокзала троллейбусы шли практически пустыми и неслись по улице так, будто спасались от орды бесов. Только провода гудели да выл движок! Погода немного разошлась, выглянуло солнце, хотя и похолодало. Я не люблю холод, но еще больше не люблю слякоть и грязь, так что, если выбирать из двух пакостей, пусть лучше подморозит, чем эти грязные хляби.

Дома сидел до пяти часов. До отхода поезда оставалось час двадцать минут, так что этого времени мне вполне хватит, чтобы дойти и доехать. Так оно и вышло – через сорок минут я уже входил в вагон, предъявив проводнице билет.

Что собой представляет СВ в 1970 году: ни-че-го. Это вам не нынешние купе с кондиционерами, вайфаем и телевизором. В купе просто сняли верхние полки и... и все! Это то же самое купе, только с двумя местами. Ну и нет такой засаженности и потрепанности, какие бывают в старых купейных вагонах. СВ всегда чище и новее.

Никого в купе еще не было, я положил свой дипломат под полку, бросил на столик пачку газет, купленных в «Союзпечати» на перроне, и углубился в чтение «Литературной газеты».

Сосед, а точнее, соседка появилась за пятнадцать минут до отхода – запыхавшаяся, встрепанная, в расстегнутом пальто, надетом на строгий «производственный» костюм. Даме лет сорок, но выглядит прекрасно – ухоженная, очки с дорогой оправой, настоящая бизнесвумен. Только этих бизнесвумен в 1970 году нет, хотя... чиновницы ведь все равно есть. А кто они, если не бизнесвумен?

Вообще-то, я слегка расстроился, когда увидел, что еду с дамой. Амуры с соседкой по купе мне бы и в дурном сне не привиделись – это сюжет только для тупого порнофильма (и для не тупого – тоже), а вот чисто житейски ехать с дамой в тесном пространстве весь вечер и ночь не очень-то комфорт-

но. Я и храплю, и, чего греха таить, пукнуть могу слегка, не так, как немцы, но... Заляжет она спать часов в восемь – и не шелести, «давайте свет выключим», и все такое прочее. В общем, довольно-таки тяжело. Мне, по крайней мере.

– Здравствуйте! – Дама втащила в купе небольшой чемодан, плюхнула его на пол и с разгону уселась на полку. – Успела! Ффу-ухх! Думала, опоздаю!

Я ответил на приветствие и вежливо улыбнулся в ответ на ее причитания. Похоже, дама мне попалась еще и говорливая, заплачусь я с ней! А может, и нет... с первого взгляда не определишь.

Динамики на перроне проревели что-то как всегда неудобослышимое – то ли послали всех на хрен, то ли пожелали счастливого пути в Ад. Почему у них в этом времени такие дурацкие динамики? Почему дикторша говорит, будто выплевывает куски засохшего яда? Никогда этого не понимал (с самого детства) и сейчас не понимаю. В моем времени ведь сумели наладить звук – и голос дикторши приятный, и все понятно! А тут... «ау-уэ-э-эя-ацца у-уы-ы ау-уа-а!» И думай, сцука, чего она там пропердела! Нет, вот этот признак данного времени мне очень не нравился. Всегда!

Заметил – я все еще говорю: «у них». «В их времени». Никак не могу привыкнуть, что я здесь навсегда. Мне постоянно кажется, что сейчас я проснусь или очнусь, и... вот я снова у себя, в моем дурацком, шумном и беготливом 2018 году. Где-нибудь в больнице, с переломанными ногами, рука-

ми, оторванным членом и разбитой башкой, слепой и...

ТЬфу! Да что за гадости мне лезут в голову! Что за депрессивная дрянь! Я же все ощущаю, чувствую – вот напротив меня женщина, от которой пахнет мокрой одеждой и какими-то духами, между прочим, импортными, не хухры-мухры.

Вот из коридора слышится крик: «Провожатые, покиньте вагон, поезд отправляется!»

Пахнет угольным дымком из титана и чем-то неуловимым, но таким знакомым... дальней дорогой! Шпалами! Пластиком купе!

И пирогами из моего пакета – не удержался, набрал и в дорогу. Толстеть так толстеть! Ничего, потом вес скину – как вернусь. Буду истязать себя в спортзале до седьмого пота.

Нет, это реальность. Глюки не могут быть такими устойчивыми, яркими и логичными, уверен.

За окном медленно поплыл перрон. Вагон дернулся, потом еще раз дернулся – колыхнулась занавеска, и... вот, мы едем! На улице уже темно, ноябрьский ветер раскачивает фонари, треплет ветки деревьев, растущих у железнодорожных путей. Фары автомобилей, за каким-то чертом несущихся по трассе вдоль дороги, вырывают снопами света темное дорожное полотно, залитое последним осенним дождем. В купе хорошо – тепло, уютно. Скоро принесут чай, и буду есть Зинины пироги – лепота!

А может, в ресторан сходить? Но тогда зачем пироги

брал? Ну... положено, вот и брал. В дорогу – надо ведь что-то брать? Ну и вот! Хотя бы курицы вареной, картошки и сала у меня нет, только пироги. А то был бы настоящий пассажир!

Захотелось позвонить Зине, сказать, что я уже поехал, и стало смешно. Вот скажи сейчас этой красивой и, наверное, умной даме, что когда-то, через сорок лет, каждый человек сможет звонить кому угодно даже из вагона поезда – посмеется ведь. Скажет – фантаст! Сказочник!

Все-таки быстро прогресс движется, ей-ей. И странно так... тысячи лет топтался на одном месте, и вдруг – рраз! Понеслось! И мобильные телефоны! И космические корабли! И пересадка сердца! Да чего только нет! Почему?! За счет чего так поумнели люди? Большой вопрос! И скорее всего – ответа на этот вопрос никто никогда не узнает.

– Ваши билетки! – В купе с грохотом отодвигаемой двери ввалилась проводница и сразу заполнила собой все пространство. Проводница была крупной, сильной, розовощекой, как барышни с картин Кустодиева, и вызывала расположение своим статным, пышущим здоровьем обликом.

– Чай скоро будет? – спросил я.

Проводница тут же откликнулась доброй улыбкой:

– Скоро! Вот обойду пассажиров и чайку вам принесу! На улице-то холодно, в самый раз сейчас чайку горяченького попить!

Через несколько минут она вышла, и мы остались вдво-

ем с соседкой. Она поглядела на меня, но сказать ничего не успела – я предложил первый:

– Давайте я постою в коридоре, а вы пока переоденетесь.

Женщина благодарно кивнула, и я вышел, закрыв за собой дверь.

Стоять в коридоре было тоже приятно. Держишься за поручень у окна, смотришь на пролетающий за окном мир и покачиваешься в такт колыханию вагона – хорошо!

Я задумался и не услышал, как дверь позади меня открылась. Едва не вздрогнул, когда женский голос сообщил:

– Я все! Можете заходить! Кстати, может, вы тоже переоденетесь? Мне выйти?

Я не стал говорить, что ничего с собой не взял – никакого трико или чего-то подобного. Одет я был в джинсовый костюм – потертые джинсы, вполне себе приличная джинсовая куртка. И рубашка – тоже из тонкой джинсы, со всеми возможными заклепками и лейблами.

Ага, модный прикид! По нынешним временам – я в чем-то вроде фрака или концертного костюма. «Дорохо-бахато!» Ну так это воспринимает советский человек, не избалованный импортными вещами. Для меня, человека из двадцать первого века, – это просто тряпки, я в джинсах в огороде ковыряюсь! А для них тут эти самые «левисá» и «монтаны» просто ой-ой какие классные штаны! Шик!

– Если я вас не шокирую, останусь в майке, – предложил я, – и в брюках, само собой.

– Ффуххх... а я уж подумала – только в майке! – хихикнула дама, и я тоже рассмеялся. И тут же предложил выслушать анекдот по этому поводу.

Дама заинтересовалась, и я начал:

– Царь вызывает к себе поручика Ржевского:

«Ржевский, как вы можете себя так вести?! Зачем вы шокируете дам?!» – «А в чем дело, ваше величество? Чем я и кого шокировал?!» – «Ну как же... мне поступила жалоба от графини Свиной – наемни она ехала мимо вашего дома и увидела вас стоящим на крыльце ну в совершенно непотребном виде! И упала в обморок от такого зрелища! Кстати, чем вы ее так смутили? Она не смогла даже рассказать – слишком, говорит, ужасное зрелище!» – «Ваше величество, и в чем же его ужасность? Ну да, я стоял в своем обычном домашнем наряде... в пенсне и тапочках!»

Дама залиvisto расхохоталась, и я заранее простил ее за возможные прегрешения против моей личности.

Люблю людей с чувством юмора, особенно тех, которые смеются над моими анекдотами. А те, кто не смеются, пусть идут в задницу! Нет, лучше – в Ад.

Ну да, я не толерантен, и вообще – злой вояка. Желчный, злобный, самодовольный, и... и... ну еще придумайте какую-нибудь гадость – так это будет про меня! Тьфу на вас! На всех хейтеров, на всех злобных и недалеких людей, посвятивших свою жизнь обгаживанию ближнего своего. Мне плевать на вас с высокой башни! Я такой, какой есть, а кому

не нравится... ну... вы знаете, куда идти. На Флибусту, с барабанным боем.

Подстаканники, позвякивающая в стакане ложечка, горячий чай и пироги. Ну это ли не счастье?!

У дамы тоже оказался вполне приличный запас питания – я угостил ее пирогами, она меня пирожными, конфетами, калачом и сырокопченой колбасой, и вывод мой, похоже, подтверждается: дама непростая. Сырокопченую колбасу в магазине не продают. Даже в кооперативном. Видел я, что продают в кооперативном магазине – эту колбасу, думаю, делали из старых зомби. По крайней мере, выглядела она именно так.

Мы пили, ели, мило болтали – дама оказалась приятной в общении, и через некоторое время я вдруг почувствовал, что знаю ее давным-давно. Бывают такие люди, которые как-то сразу становятся «своими» – вот она была из них. Тут еще и «синдром купе», когда люди рассказывают своим случайным попутчикам такое, что не расскажут ни соседям, ни сослуживцам. Наверное, потому что попутчик вышел из поезда, ты о нем и забыл. Больше никогда не увидишь. И он тебя не увидит. А уже и выговорился. Как психологу. В поездах – не раз и не два такое видел.

Как мы перешли к разговору о стране, о политике – даже не знаю. Как-то плавно перетекла беседа в сторону политики, и всё тут. Дама была в моем городе в командировке – что-то там выясняла в областном правительстве насчет сельхоз-

поставок и всякой такой лататы. Я не очень хорошо понял, впрочем, она и не очень внятно рассказывала. Так, пару слов выдала – работает в министерстве, вот и приехала в командировку. Может, секреты не могла раскрывать, а может, просто скучно об этом рассказывать и слушать, вот и не хотела вгонять в тоску. А я и не настаивал.

Речь как раз и зашла про поставки – например, про обеспечение городов и республик Союза товарами народного потребления. И начал говорить про это, само собой, я.

– Вот скажите, Наталья, – мы с ней уже представились друг другу, – почему несколько республик должны тащить на себе остальных? И при том при всем жить, можно сказать, впроголодь? Вы же прекрасно знаете – прибалтийские республики живут лучше нашего. Фактически сосут деньги из казны, как щенята мамку! А кавказские республики? Вот доколе мы их будем кормить?! Да еще и отдаем им лучшее! Они сгрудились вокруг великой России и высасывают из нее соки!

– Ну уж... вы преувеличиваете! – усмехнулась Наталья. – Впроголодь! У нас в стране никто не живет впроголодь! Что, разве не так?

– Ну... я слегка утрировал, но... вы посмотрите опять же на Прибалтику и на Центральную Россию – кто живет лучше? У кого лучше обеспечение? Ну да, Москва, Питер... Ленинград – они живут хорошо. А провинциальные города? Вот такой, как наш! Он как живет? А почему? Мы что, не

достойны хорошо жить?!

– Ну... вы-то живете вполне неплохо. – Она скользнула взглядом по моему «прикиду». – И другие не бедствуют. Так о чем речь?

– Я считаю, что некогда большевики и конкретно Ленин допустили одну огромную, просто фатальную ошибку. Которая когда-нибудь всем нам аукнется.

– И какую? – заинтересовалась дама, забравшись с ногами на постель. Кстати, постели во всех СВ стелют сразу, и белье это вполне чистое, белоснежное, не серое, как в обычных купейных и уж тем более плацкартных вагонах.

– Нельзя было делить страну по национальным границам. Категорически нельзя! Нужно было нарезать территории ровными квадратиками вне зависимости от того, какие народы там проживают, и дать этим квадратам свои названия. А еще – каленым железом выжигать любые проявления национального самосознания!

– Ффу-у... – помотала головой Наталья, – как же так? Забыть свой язык? Свою культуру? Мне вот нравится украинский язык – он такой певучий! Песни красивые. И все только на русском языке? А другие народы? Они как?

– Нужно было перемолоть все народы в один фарш и вылепить из них другой народ, один народ – СОВЕТСКИЙ, с русским языком – единственным государственным языком! Понимаете? Если кто-то хочет поддерживать свою национальную культуру – пожалуйста! Собирайтесь на кухнях,

пойте песни, сказки рассказывайте. А выходите в люди – тут только советский народ и русский язык! Никакой поддержки национальных движений внутри Союза, никакой поддержки национальным культурам! А если поднимает голову национализм – безжалостно истреблять! И только так!

– Но зачем?! Ведь и так все идет хорошо! Ваши тезисы неверны! – Наталья недоверчиво помотала головой. – Так нельзя! Ленин не мог ошибаться!

– Только так и можно. И Ленин ошибся. И Сталин ошибся. И эта ошибка фатальная и еще нам аукнется.

– Да как?! Как она может аукнуться?! – вскричала Наталья и хихикнула. – Ну вы и фантазер! Кем, вы сказали, работаете?

– Санитаром, – улыбнулся я. – Санитаром в психбольнице.

– Шутите! – искренне воскликнула Наталья. – Ой, простите... я не хотела. Все работы заслуживают уважения. Просто вы такой... хм... образованный, так грамотно рассуждаете обо всем... я считала, что санитары, особенно в психбольницах, это нечто другое. Погрубее и... поглупее. Простите еще раз. Кстати, вы так и не ответили – чем аукнется нам это национальное разделение?

– Если во главе СССР встанет глупый человек, а тем паче – скрытый агент зарубежной буржуазии, то он может по своей глупости или по своей злой воле утратить контроль над республиками. А там могут зародиться национальные движения, которые ставят своей целью отделение республик от

государства. Вражеские силы не дремлют – они ищут в рядах наших людей предателей и денег на это не жалеют. И вот представьте – во главе страны стоит откровенный дурак, пустой болтун, который не понимает, во что может вылиться утрата контроля над республиками, и который не умеет и боится наводить порядок на местах. Вместо того чтобы воспользоваться сталинскими методами и пресечь сепаратизм – жестко и бескомпромиссно, он просто болтает. Болтает, болтает, болтает... А руководители этих республик, будучи главами движений сепаратизма, собираются вместе и объявляют: все! Кранты! Мы теперь сами по себе, а Союз сам по себе! А если сунетесь – будем воевать! Ну вот представьте – Украина взяла и объявила себя независимым государством! А на ее территории, между прочим, и атомное оружие, и группировка войск вторая по силе после российской группировки. И что тогда? Залить Украину кровью? Начать гражданскую войну? Поздно. Вот вам результат политики Ленина. И Сталина, если уж быть объективным. Он тоже не увидел этой опасности, хотя при нем гидра сепаратизма не то что не могла поднять голову – она просто никогда бы не зародилась. Раздавили бы, как тараканов!

– Ну вы и картину нарисовали, Михаил! Ну и фантазия у вас! – Наталья усмехнулась, помотала головой. – Аж мороз по коже! Такая антиутопия, просто... слов нет! Вы просто фантаст какой-то! Кстати, а вы фантастику любите? Я обожаю. Сегодня по управлению распространяли книжки, и я

оторвала одну. Зачиталась в гостинице, пока до поезда время коротала, – чуть не опоздала! Слышали, новый фантаст появился? Карпов? Написал такую книжку – просто слов нет! Говорят, новое слово в фантастике! Это даже не фантастика, ведь фантастика про корабли всякие, про космос, про ученых. А тут... сказка для взрослых, вот как! Но вы, наверное, не любите фантастику?

– Почему вы так решили? – Меня разбирал смех, но я сдержался.

– Ну вы такой... хм... мужественный. Наверное, бывший военный, да? Выправка у вас военная. И... шрамы.

– Да, был военным. Наверное. Ну... так говорят. Не смотрите на меня так удивленно, у каждого своя история. Я пока промолчу о своей. Значит, понравилась вам книжка? А можно посмотреть на нее?

– А вот! – Женщина полезла в сумку, достала книгу в твердом глянцевом переплете. – Смотрите! «Нед. Путь Найденыша». Говорят – продолжение будет! Вот здорово, а?

Я взял книгу, полистал страницы. Да, хорошо печатали в Советском Союзе! Это не наши серые книжечки на туалетной бумаге! Тут – просто блеск. Авторские экземпляры я еще не получил, надо будет выжать из Махрова побольше книжек. Раздавать знакомым и друзьям – если такие у меня заведутся.

«Книга – лучший подарок!» – ага, тут это именно так. Хорошую книжку у «Букиниста» с рук у «жучков» меньше чем

за двадцать рублей не купишь. А за двадцать рублей работа-ге три дня работать надо. Фантастики и приключений днем с огнем в книжном магазине не найдешь! Только по блату, только своим, или вот так – в закрытое учреждение, для со-трудников. М-да... мечта писателя, а не время! Здесь вам не тут... чтобы – вот!

Я перевернул книгу, глянул на свой портрет и подпись под ним: «Михаил Карпов живет и работает в городе...» – ну и так далее. На фотографии у меня довольно-таки молодая физиономия – фотограф, видно, хороший попался. Или просто я довольный и отдохнувший, а довольный и отдохнувший человек выглядит всегда моложе своих лет. Если только он не детсадовец, конечно.

Я приложил книгу к правой щеке фотографией к попутчице и с улыбкой спросил:

– Похож?

О господи... я такой реакции не ожидал! Наталья вытаращила глаза так, будто из меня только что вылез «Чужой», раскрыла рот – и тогда я наконец-то понял, что означает выражение «отпала челюсть». Она несколько секунд ничего не могла выговорить, потом мучительно сглотнула, схватила недопитый чай и одним глотком осушила стакан. И только тогда сумела из себя выдавить:

– Да ладно! Да не может быть! Это вы написали?! Ваша книга?! Вы – Михаил Карпов?! Да на работе все обалдеют, когда я им расскажу! Вот это да! То-то я смотрю, думаю –

где-то я его видела! А где – и вспомнить не могу! Ах вы, мистификатор! Ну-ка, подписывайте скорее книгу! О-бал-деть! Эх, жалко, две книжки не ухватила, сейчас бы две подписали – я бы начальнику подарила. Премию, может, выписал бы, старый осел! Но да ладно, хоть так вышло. И вы мне тут лапшу на уши вешаете – санитар! Вот это так санитар!

– Да ну что такого-то? – искренне смутился я. – Ну да, писатель. И что такого? Не космонавт же, не член правительства. Просто сказочник, и все тут. А санитаром я работал, в психушке. Некоторое время работал. А сейчас книги пишу. Вот, везу продолжение романа, будут издавать. Ну... как-то так!

– Вы не понимаете, – вздохнула женщина. – Писатель для большинства людей... это как небожитель! Вы где-то там, высоко витаете, над нами. Придумываете свои книги, а мы читаем их и уходим в ваши миры, и нам вроде как легче жить. И вот я вдруг... оп! И натолкнулась на небожителя! И он сидит передо мной – простой такой, и прикидывается всякими там санитарями!

– Что вам написать? – открыл я книгу и приготовил авторучку – достал из кармана куртки. Честно сказать, меня слегка утомил и восторг моей попутчицы, и такое повышенное ко мне внимание. Не привык я к такому. Вот прочитав про себя гадости на пиратских говносайтах – это привычно. Вначале бесило, хотелось морду разбить мелкой ботанской твари, которая героически сидит на своем стульчаке и пишет

мерзости в Сети, изошряясь в остроумии и не подозревая о своем скудоумии. А потом перестал беситься и начал даже забавляться, читая особенно мерзкие про себя придумки. Даже в фейсбуке их выставлял, чтобы мои приятели и читатели поржали – до какого скудоумия могут дойти хейтеры.

– Напишите... – И она продиктовала, что я должен написать. Ничего нового, ничего особенного. Всё, как обычно. Приятно, конечно, когда вдруг сталкиваешься со своими читателями, можно сказать – поклонниками. Бывало у меня такое, и не раз. Но в моем времени... нет, теперь – В ТОМ времени, это все проще и банальнее. Писатель в двадцать первом веке – это совсем не то, что в советское время. Телевизор и Интернет убили литературу. По крайней мере – бумажную литературу. Люди теперь не желают покупать бумажные книги, тем более по таким дебильным ценам. Скажи сейчас этой женщине, что книга в будущем станет стоить 500 рублей – смеяться будет до упаду. Мол, это уже не фантастика, это... безумие. А я вот в таком безумии жил еще только недавно.

Мы говорили еще долго – о жизни, о литературе, только политики больше не касались. Как-то инстинктивно решили – не надо больше о ней. Когда ложились спать, я предупредил, что иногда храплю и заранее за это извиняюсь. Наталья беспечно отмахнулась, сообщив, что ее муж так храпит, что все остальные храпуны в сравнении с ним просто дети. Так что... «Делайте что хотите» – ей это не мешает спать.

Перед сном я задумался, что она имела в виду под «де-

лайте что хотите», но ни к какому выводу не пришел и незаметно уснул.

Подняла нас проводница, громко и трубно сообщив о скором прибытии в город-герой Москву, и мы начали собираться. Вначале я – надев штаны и рубаху, потом Наталья – и потому я вышел из купе. Спать хотелось до жути – разбаловался, привык работать ночами и спать утром, вот и огребаю по полной. Организм бунтует. Старею, что ли...

Кстати, к моему удивлению, я в последние месяцы чувствовал себя просто великолепно. Ничего не болело, двигался, как молодой. Даже поясница перестала ныть, когда долго ходил. Зина это объясняла хорошим питанием, физкультурой и регулярным сексом на благо своей любовнице, а я и не возражал – может, все так и есть. Но вообще – немного странно. Может, виной всему позитивный настрой? Радость от попадания в мир детства? Может быть...

Я помог попутчице вытащить чемодан из-под полки, и, одетые, мы сидели и ждали, когда поезд наконец-то втянется на Павелецкий вокзал. Перед тем как выйти из купе, Наталья сунула мне бумажку с телефоном:

– Вот! Позвоните, если надумаете! Может, в гости к нам придете, посидим, пообщаемся, мы будем очень рады! И мало ли... может, и мы когда-нибудь вам пригодимся! Чем черт не шутит!

Я был согласен с таким выводом – черт иногда так шутит, что поражаешься его извращенному чувству юмора. Впро-

чем, на то он и черт. Дьявольское отродье.

Шагать по перрону вокзала было странно и весело. Помню, как в первый раз я попал в Москву, еще четырнадцатилетним мальчишкой – шел, и в душе у меня все пело! «Москва! Я в Москве! Ура-а!» Это потом чувства к столице притупились и сошли совсем на минусовой уровень. Впрочем, как и к родному городу. Уж больно сильно они изменились, эти города. Или я постарел и ненавидеть скопления народа? Социопатом заделался? Может быть, и так.

Первое, что сделал, – спустился в метро и отправился куда подальше от вокзала. Бросать письмо в ящик здесь, на Павелецком, было бы большой глупостью – по штампу легко определить, где письмо опустили в почтовый ящик, и вычислить примерное направление моего проживания. Ну да, повторюсь – меня все равно в конце концов вычислят, я верил в эффективность нынешнего КГБ с его практически безграничными возможностями и профессиональными аналитиками, цепляющимися за любой «хвостик», но все-таки хотелось бы прежде забронзоветь, чтобы ни одна сволочь не могла меня ни грохнуть, ни закрыть в дурку под предлогом моей неспособности соображать в соответствии с современными реалиями. То есть – в свете учения партии и правительства.

Вышел из метро я в самом центре – на Арбате. И пошел куда глаза глядят, надеясь увидеть почту или хотя бы почтовый ящик. Нашел через полчаса и со вздохом облегчения опустил свое сочинение в нутро голубого друга. Все! Теперь

буду ждать результата. Какого? А какой получится. Хотя бы отклика в газете – мол, получили твое письмо, Шаман, счастливы безмерно и прыгаем от восторга.

Письмо я направил Брежневу, вложив листки в несколько конвертов. Не доверяю Андропову, что бы ни говорили о нем историки. Мол, и справедливый, и дельный, и совсем не агент буржуазии. А кто травил Брежнева? Кто настоял на вводе войск в Афганистан, что стоило трехсот тысяч жизней? И самое главное – кто вытащил из Ставрополя Меченого, развалившего огромную советскую империю?! Само собой, письмо все равно попадет к Андропову, но... это ничего. Не страшно. Главное, чтобы знал Брежнев.

Став старше, я вдруг понял, что этот генсек, которого у нас представляли старым полудурком, развалиной, не способной на разумные действия, был совсем не так прост. И совсем не глуп. В интригах он разбирался – как рыба во вкусе червяков. А еще – он был все-таки хорошим человеком. Возможно, одним из лучших наших «царей» и царей. В его правление, которое называют застоем, мы жили вообще-то очень даже недурно. Квартиры получали бесплатно, медицина – пользуйся сколько угодно. Путевки в санатории и дома отдыха. А самое главное – уверенность в завтрашнем дне, когда ты знаешь, что будет через год, через два, через десять, двадцать лет. Ты – молодой специалист? Для тебя готово рабочее место и место в общежитии для инженерно-технических работников. А через несколько лет – отдельная кварти-

ра. И это воспринимается в ранге положенности – ну как же может быть иначе?!

Да, я бы рассказал, как может быть иначе... как людей с детьми выкидывают из квартир на улицу, потому что они просрочили банку несколько платежей.

Как коллекторы сжигают ребенка должника, облив его бензином.

Как медицину охватывает повальная коррупция, но и за деньги ты с трудом можешь получить нормальную медицинскую помощь.

Я много мог бы рассказать. И еще расскажу. Придет время... если доживу.

Позавтракал в пельменной на углу старого Арбата. В будущем этой пельменной нет, а тут... стоячие столики и вполне себе вкусные пельмени. Тут точно не отравишься – контроль! И мясо в пельменях есть – ГОСТ! Не скажу, чтобы они были как домашние – это было бы смешно, – но с расплывающимися магазинными моего времени сравнить их трудно. Хотя... и тут, наверное, всякие есть. Не стоит идеализировать это время. Я про него столько знаю... что лучше бы и не знал, чтобы не портилось настроение.

После пельменной уже поехал в издательство – пока доеду, как раз время и подойдет. Раньше девяти в издательстве делать нечего, а болтаться возле входа, дожидаясь, когда подойдут сотрудники, это как-то... стремно. Не для маститого писателя! Хе-хе-хе...

Да какой я, к черту, маститый? Ну, выпустили одну мою книжку, и что? Разошлась она хорошеньким тиражом, но ведь это ОДНА книжка! Всего-навсего! Вот только время другое. Читал про советских писателей, которые за всю жизнь выпустили одну-единственную книгу, а потом всю жизнь жили на ее переизданиях да на встречах с читателями. Соберут в Ленинской комнате коллектив какого-нибудь предприятия, и давай беседовать с писателем за жизнь – как будто он какой-то мессия, знающий о жизни больше, чем любой из присутствующих в зале. И денежку писателю заплатят – вполне себе неплохую. И без всяких налогов. А могут еще и банкет устроить – небольшой, но приятный. Ну чем плохо жить писателю в клятые времена застоя?

Подошел я к издательству в половине десятого. Как раз сейчас должна была закончиться планерка, и все расходятся по рабочим местам. Это признак времени – планерка перед началом работы. В своем времени я такого не помню. Хотя... может, и есть такое, я же не офисный планктон, что я знаю о его жизни в ареале обитания?

Бабулька-охранница не обратила на меня ровно никакого внимания, и мое лицо, как и в прошлый раз, расплылось в улыбке – хорошо жить в безопасном государстве! Ни тебе террористов, ни диких вороватых гастарбайтеров! Все свои, все родные, и... никто не уйдет обиженным.

Когда постучал в дверь главного редактора, за ней послышался знакомый бодрый голос:

– Да-да, войдите!

Я толкнул дверь и оказался перед светлыми очами главреда Махрова, небольшого кругленького человека, невероятно живого и подвижного. Ему бы в футбол играть, он бы точно имел успех. Футболист, который не стоит на месте, а все время куда-то бежит с невероятной скоростью и целеустремленностью. Вот таким и был Махров – целеустремленным футболистом, яростно несущимся по полю книгоиздания.

– О-о-о! Привет, Михаил! Ох, как хорошо! Как хорошо, Михаил!

Махров говорил это с настолько выразительным придыханием, что я невольно порадовался тому обстоятельству, что на дворе 1970 год, и, если даже кто-то за дверью услышит махровские «О-о-о, как хорошо, Михаил!» – ничего скабрезного не подумает. В этом времени голубых сажают, и очень даже на приличные сроки. Реальные сроки.

Я, честно говоря, не знаю, зачем это нужно. Кому какое дело, как кто проводит свое свободное время. Но факт есть факт – гомосексуалистов в СССР сажают. Приравнивают к маньякам и педофилам. Мне лично всегда было плевать, субъекты какой там ориентации бродят по миру. Главное – пусть не выпячивают свои извращения, да и пусть себе занимаются чем хотят на добровольной основе. А станут детей вовлекать – сажать на кол, дабы неповадно было.

– Как ты вовремя приехал, Михаил! Как вовремя! Ты голодный? Чаю попьем? Заодно и поговорим! Я тебе все рас-

скажу!

Я не был голоден, но от чаю не отказался, ибо после завтрака в пельменной меня уже достал «сушняк», в горле совершенно пересохло. О чем я и сообщил моему собеседнику. Он тут же унесся из кабинета и вернулся минуты через три, жестом пригласив меня сесть в кресло возле журнального столика в углу. Тут оборудовали что-то вроде места для переговоров, и сидеть здесь среди кадок с экзотическими растениями было очень даже приятно. Уютное местечко.

– Ну, слушай! Вывалю тебе все и сразу! Во-первых, поздравлю – весь тираж улетел, как гуси на юг осенней порой! Косяками шел! У нас заказов на книгу еще несколько десятков тысяч! Будем допечатывать – обязательно. Пока пятьдесят тысяч. Потом еще добавим. Так что сегодня в конце дня можешь получить в кассе десяточку в хрустящих купюрах! Или тебе лучше на книжку перевести?

– Лучше на книжку, – не стал отказываться я. – Таскаться с десятью тысячами в кармане как-то... не очень. Впрочем, тысячу возьму наличными, по магазинам побегаю. Женщине какой-нибудь подарок куплю. Ну и себе что-нибудь, все собираюсь часы хорошие купить, так почему бы и нет? Золотые! Поддерживаешь?

– Поддерживаю! – хохотнул Махров. – Тебе надо уровень держать! С иностранцами ведь будешь общаться! Пусть видят, какой крутой мэн наш писатель!

– Хм... а я костюм не надел, – забеспокоился я. – В джин-

совом-то... не очень! Как считаешь?

– Да фиг с ними! – снова хохотнул главред. – Это же американцы, а им все равно, ты хоть в трусах ходи. Даже интереснее будет! Писатель должен быть слегка не от мира сего, эксцентричным!

– Ну да... – задумавшись, заметил я, – как сказал один хороший писатель, «у писателя что-то обязательно должно быть не как у других людей – либо ширинка расстегнута, либо рукав в говне».

– Ха-ха-ха! – закатился Махров. – Как, как? Либо ширинка расстегнута, либо рукав в говне? Ха-ха-ха! Запомню, надо будет как-нибудь твою шуточку подпустить! А кто сказал так? Небось ты и придумал! Ха-ха-ха! Ну да ладно. В общем, слушай, что получилось. Приехала к нам делегация – общение, разрядка, мир-дружба-жвачка, и был там представитель одного издательства, одного из крупнейших не только в США, но и в мире. Ты такое, наверное, и не знаешь: «Фаррар, Страус и Жиру». Название смешное, но издательство совсем не смешное. Объемы у них не очень большие, но печатают они только очень качественную литературу. Кстати, в том числе и книги советских писателей. Только... хм...

Он замялся, и я понимающе кивнул:

– Диссидентов, да? Всяких там солженицыных?

– Да. Всяких солженицыных. Ну так вот: их пригласили на книжную ярмарку, и один из этих типов приехал. Некий Страус. Чтобы ты знал – это потомок двух богатых кланов

миллионеров, человек очень обеспеченный, никогда не живший впроголодь, а потому... напыщенный необычайно! Бедняков в грош не ставит! Но при этом очень активный, энергичный, знающий, чующий прибыль и разбирающийся в литературе. Ему пятьдесят три года, он занимается спортом, путешествует, ездит по всему миру. Теннисом занимается – чуть ли не на профессиональном уровне. Еврей. Хм... ну что еще сказать... с ним секретарша, которая то ли жена, то ли как жена. Звать ее Пегги Миллер. Красивая баба, холеная, ну просто... хм... самка! Она в доверии у Страуса, это сразу видно. В общем, была встреча с руководителями союза писателей СССР, разговаривали – через переводчика, конечно. И зашел разговор о тебе! Хе-хе-хе... Ну да, да, я всунулся, с тебя коньяк! И не меньше чем десять звездочек, ибо не фиг всякие сучки пить, опилочные ректификаты! Ну, так вот: зашел разговор о том, что они, мол, печатают только всяких там... хм... солженицыных, а у нас ведь есть и другие! Замечательные писатели! Ну, тут я и влез – вот, мол, недавно появилась новая звезда – пишет сказки для взрослых по типу Толкина. Книга влет уходит, стотысячный тираж разлетелся – и не заметили! И никакой там политики, только рассказ о том, как герой в мире Средневековья, где есть магия, поднимается с положения раба и становится великим воином. И кстати – повествование гораздо интереснее, чем у Толкина! Толкин – нудятина еще та!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.